

Ангела Рай

Взрыв

*Прошлое. Настоящее.
Будущее.*

Андреа Рэй

**Взрыв. Прошлое.
Настоящее. Будущее.**

«Издательские решения»

Рэй А.

Взрыв. Прошлое. Настоящее. Будущее. / А. Рэй — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837288-9

«Взрыв» — первая часть трилогии, повествующей о Изабель Уотерс, живущей в мире, который погряз в жестокости. В нем каждый сам за себя. Она сражается за свою жизнь и свободу, пытаясь выкроить время для младшего брата и друзей между многочисленным передрягами. Изабель оказывается втянутой в войну, которую старалась избежать, и теперь ей нужно решить, на чьей она стороне. Неожиданно всплывающие факты дают понять, что ее роль далеко не последняя, вот только справится ли она с ней?

ISBN 978-5-44-837288-9

© Рэй А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	42
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Взрыв
Прошлое. Настоящее. Будущее.
Андреа Рэй

© Андреа Рэй, 2017

© Роуз Эмералд, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7288-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что вы себе представляете, когда думаете о будущем? Летающие машины и лекарства от всех болезней? Не хотелось бы вас разочаровывать, но все далеко не так прекрасно. Мир погряз в жестокости, нехватке ресурсов и многочисленных проблемах.

Сотни лет назад Земля процветала, а люди жили в мире, пусть и неустойчивом. Правда, люди заселили практически каждый уголок нашей планеты, не оставив природе никакого места, из-за чего и начался конец спокойствию и процветанию. Катаклизмы наступали один за другим, и вскоре большинство материков были раздроблены многочисленными землетрясениями, а следом почти все они затонули. Оставшиеся в открытом море куски земли каким-то образом прибило к единственному оставшемуся континенту, который тоже пострадал, но был достаточно большим и, благодаря этому, не затонул.

Многие успели спастись, но миллиарды людей погибли. После образования материка люди пытались научиться жить на разрушенной земле и выращивать пищу, но в какой-то момент у некоторых стал проявляться семнадцатый ген, по крайней мере, так его назвали оставшиеся в живых ученые. Я не сильна в генетике, но в моем мире даже трехлетний ребенок знает о семнадцатом гене. Дело в том, что этот ген наделяет своего обладателя сверхъестественными способностями, тем самым превращая человека в донариума.

Кто-то считает, что таким образом природа пыталась нам помочь после всего, что случилось с планетой, причем эти фанатики говорят о природе так, словно она – живое существо. Другие утверждают, что этот выход нашел наш организм, чтобы приспособиться к жизни в новых условиях. В любом случае, лично меня причины волнуют мало, гораздо важнее война, которая вспыхнула между людьми. В школе об этом говорили мало, к тому же, я была ребенком и половину из сказанного просто не запомнила, но знаю, что боролись в то время только за власть, а ген лишь послужил причиной разногласий. В итоге власть не досталась никому, и из-за этого в нашем мире нет официального правительства, только условные лидеры организаций, образовавшихся еще в то время и ведущих борьбу до сих пор. Зато обычные люди на этом фоне пытаются выстроить свою жизнь, отделяясь от донариумов и стараясь сохранить свои семьи.

Я одна из тех, кого стараются избегать, поэтому живу именно в тех неблагоприятных районах, в которых полно донариумов, маньяков и убийц. Я не жалею, ведь это самый надежный способ спрятаться, а именно этим я и занимаюсь большую часть своей жизни.

Глава 1

Проснувшись, я резко сажусь на постели, а потом провожу ладонями по лицу, стараясь унять бешено колотящееся сердце. За окном сверкает молния, и я понимаю, что разбудил меня именно гром, и успокаиваюсь. Бросив взгляд на стоящие рядом с кроватью на полу часы, недовольно морщусь, потому что сейчас середина ночи, а заснуть снова у меня уже не получится. Я выбираюсь из постели, нашаривая на полу шлепанцы, и иду в часть комнаты, отведенную под кухню, попить воды, но не успеваю наполнить стакан, как в дверь кто-то тихо и дробно стучит.

Моя рука сама тянется к лежащему на столе ножу, и я беззвучно подкрадываюсь к собственной двери. Мимходом пожалев, что не вставила в дверь глазок, только въехав сюда, я раздумываю, стоит ли заглядывать в щель, но мои мысли прерывает до боли знакомый голос, раздавшийся из-за двери.

– Из, это я. Можешь положить этот чертов нож.

Нож выскальзывает из моей руки и с лязгом падает на пол, этот звук отрезвляет меня, возвращая способность двигаться, и я, так быстро, как только могу, отпираю замки, распахивая дверь. Сэм, даже не дожидаясь, пока дверь откроется до конца, заходит и заключает меня в свои медвежьи объятия, до боли стискивая ребра.

– Ты жив. – не веря собственным словам, шепчу я. – Но ведь письмо...

– Иззи, забудь про письмо, со мной все хорошо.

Сэм отпускает меня и сам закрывает дверь, а я смотрю на него во все глаза и не могу поверить, что это он.

– Погоди, забыть? Да ты с ума сошел? – накидываюсь на него я, заметив, как он с улыбкой меня разглядывает. – Я думала, ты умер, пришло письмо, подписанное каким-то заместителем твоего начальства. Да я места себе не находила, когда ты не вернулся, а сейчас ты велишь мне забыть про письмо?

– Там произошла ошибка, а когда они поняли, то отпустили меня на денек, чтобы я сказал своим родственникам, что жив. – пожимает плечами Сэм.

– У тебя нет родственников. – замечаю я.

– Да, но они-то этого не знают. – подмигивает он мне.

– Значит, ошибка? – прищуриваюсь я и подхожу к старому комоду, заваленному бумагами, нахожу письмо и зачитываю. – «Мы вынуждены вам сообщить, что мистер Эттвуд погиб во время исполнения своих обязанностей, приносим извинения и искренне скорбим вместе с вами». По-твоему, там работает много Эттвудов?

– Иззи, ты хочешь доказать мне, что я мертв?

– Нет, я хочу надрать зад тому, кто допускает такие ошибки. – отзываюсь я, бросая письмо обратно на кипу бумаг.

– Успокойся, все хорошо кончилось. Слушай, не хочу тебя пугать, но как давно ты видела Джона?

– Пару недель назад проходила мимо школы, а что?

– Твой дядя перешел к вэрумам.

– Что? – резко обернувшись и уронив чайник обратно на плиту, рычу я.

– Спокойно, может все и не так плохо... – подняв ладони, произносит Сэм.

– Не так плохо? Каким образом это может быть не так плохо? – выпаливаю я, а потом медленно вдыхаю, стараясь успокоиться. – Я должна его забрать, условия ужасные, но я что-нибудь придумаю.

– Джона? – уточняет Сэм, как будто это не очевидно.

– Нет, Гордона, – закатив глаза, отвечаю я. – Конечно, Джона.

– Ладно, я пойду узнаю, сможет ли Райан подбросить нас. – предлагает Сэм.

– Кто это? – подозрительно спрашиваю я.

– Пилот, который и привез меня сюда. – поясняет он уходит, велев быстро собраться.

Я одеваюсь и нахожу копье, затем подхожу к зеркалу, беру с полки шпильки и собираю свои длинные черные волосы. Девушка, отраженная в зеркале, выглядит опасной, ее зеленые глаза почти безразличны, а взгляд жесток, но в них много боли. И это моя боль. Мое прошлое, от которого я никогда не смогу убежать.

Райан не отказал Сэму, и, пока мы летим, я никак не могу избавиться от тревоги и все думаю о том, не опоздала ли. Вдруг дядя забрал Джона с собой? Я даже представить не могу, через что мне тогда придется пройти, чтобы вернуть его.

Сэм выходит из кабины пилота, садится рядом со мной и спрашивает:

– Кстати, ты знаешь, что у взрумов хауберды работают и на обычном топливе?

Не сказать, что это меня очень волнует, но Сэм предоставил мне возможность отвлечься от мрачных мыслей, и я благодарна ему за это.

– Как?

– Ну, честно говоря, я не знаю. – смеется Сэм. – Но их хауберды уже более универсальны, раньше им всегда требовались донариумы на борту, ведь излучаемая ими энергия и служила топливом, а теперь на хаубердах без проблем могут летать и обычные люди.

– Не думаю, что они станут делиться ими с обычными людьми. – замечаю я, но Сэм только отмахивается:

– Я этого и не говорил. Просто ты же знаешь, что они нанимают и обычных людей, и теперь они сами могут пользоваться хаубердами. Хотя, мне плевать. – вдруг говорит он. – У меня такой проблемы не было.

В ответ я только закатываю глаза, а Сэм, подскочив, направляется обратно к кабине пилота, но не успевает он сделать и несколько шагов, как нас подбивают, а пилот так резко поворачивает, что Сэма с силой швыряет в стену, а я, даже вцепившись в сидение, съезжаю по нему влево.

В голове мелькают мысли и образы, но каждая клеточка моего тела чуть ли не вопит от страха. С того самого дня, как Сэм, вернувшись с очередного задания, рассказал о том, что взрумы практически объявили охоту на всех способных донариумов с целью превращения в марионеток, я усердно от них пряталась и никогда не жила долго в одном месте. Именно тогда мне пришлось научиться убегать при малейших признаках опасности.

Я слышу крики, полные слов, о значении которых даже не догадываюсь: Сэм с пилотом пытаются увернуться от надвигающейся в нашу сторону воздушной воронки. Я хочу выглянуть в окно, сама толком не зная зачем, но у меня не оказывается на это сил, а через пару секунд до меня доносится слишком уж пессимистичный возглас Сэма:

– Хауберд использует слишком много ее энергии! Это убьет ее!

Следом раздается что-то похожее на: «Мы умрем в любом случае», но я уже теряю сознание.

Когда я прихожу в себя, я боюсь открыть глаза, потому что есть шанс, что я мертва. Не открывая глаз, я сжимаю и разжимаю ладони, чтобы убедиться, что они у меня есть, а следом улавливаю резкий запах свежескошенной травы. На секунду мне кажется, что если я открою глаза именно сейчас, то окажусь у нашего старого дома, а папа предложит мне посидеть у него на плечах, пока он косит газон. Но слишком скоро я понимаю, что это невозможно, потому что папа очень давно умер.

Я делаю глубокий вдох, собираясь с силами, и разлепляю глаза. Я лежу на свежескошенной траве, которая и навеяла мне воспоминания об отце, а рядом, глядя в сторону, сидит Сэм.

– Ты очнулась, хорошо. – незнакомым голосом говорит он, когда я приподнимаюсь на локте и щурюсь от слепящего глаза солнца.

– Где это мы? – спрашиваю я, прикрывая ладонью глаза, заболевшие от яркого света.

– Я не знаю, можно ли мне... – мямлит Сэм, и тут же сзади раздается женский голос:

– Сэм, у Райана не получается сдвинуть что-то в хауберде, помоги ему.

– Конечно. – выдыхает Сэм, и поспешно уносит ноги. Кажется, ему не терпелось сбежать от меня.

Я оборачиваюсь посмотреть, кто это сказал, и вижу женщину, на вид ей чуть больше сорока, а русое каре тронула легкая седина.

– Изабель, – говорит она таким тоном, словно произносит мое имя каждый день, но, поскольку мы ни разу не встречались, она, наверное, тренировалась перед зеркалом. – мы ждали тебя.

Меня тут же обуревают нехорошее предчувствие: если меня ждут, ничего хорошего мне это не сулит, и я поднимаюсь на ноги, хмуро глядя на нее.

– Меня зовут Элис, – продолжает женщина, игнорируя мой взгляд, – мне нужно очень многое тебе объяснить, но, прямо сейчас я даже не знаю, с чего мне стоит начать. Если бы только мальчишка оказался поговорчивее... – задумчиво добавляет она, глядя вслед Сэму, но резко обрывает себя, словно сказав что-то лишнее, и во мне сразу же вспыхивает подозрительность.

– О чем вы?

– Это не важно, Изабель. – мягко говорит она. – Гораздо важнее то, зачем мы привезли тебя сюда.

– Вы... что? – не понимаю я. – Вы не привозили нас сюда, скорее всего пилот просто пошел на экстренную посадку или что-то в этом роде.

Пока я говорю, я оглядываюсь вокруг, но ничего примечательного не вижу: обычное поселение. Разве что растительность слишком густая и яркая.

– А чей, ты думала, это пилот? – вкрадчиво спрашивает Элис.

– Вы говорите так, как будто это был спланированное действие. – почти обвиняю ее. – Но мне нужно вернуться и поговорить с Сэмом, Джон все еще в опасности.

– Кто? – хмуриться Элис.

– Мой брат. – машинально отвечаю я, ища глазами Сэма. – Куда вы отправили Сэма? Он мне нужен.

– Он не сказал тебе правду? – все так же хмуро спрашивает Элис. – Неужели он ничего тебе не объяснил?

– Объяснил мне что? Послушайте, я понятия не имею, о чем вы говорите, но вы должны помочь мне найти Сэма. – почти не слушая ее, отзываюсь я.

– Изабель, в этом нет необходимости. Если Сэм ничего тебе не рассказал, то это нужно сделать мне, и как можно быстрее, будет лучше, если мы пройдем в дом.

– Меня это не волнует, мне нужно найти сначала Сэма, а потом Джона. Куда вы его отправили? – начиная злиться, резко отвечаю я.

– Послушай меня, что бы ни сказал тебе Сэм, это ложь, но мне...

– Да, конечно. – фыркаю я. – Сэм мне врет, а вы нет. Не забывайте, что я вас не знаю, а Сэм – мой лучший друг.

– Тогда тебе нужно тщательнее выбирать друзей. – пожимает плечами Элис.

– Элис! – обернувшись я вижу Сэма, который бежит к нам. – У Райана все в порядке.

– Сэм, о чем ты? – недовольно говорю я. – Нам нужно срочно найти Джона, а ты просто взял и исчез.

– Действительно, Этвуд, о чем говорит Изабель? Кто этот Джон и почему она не введена в курс дела? – строго спрашивает Элис, а Сэм застывает с изумленным видом.

– Вы же... вы же запретили мне что-либо говорить.

– Да как ты смеешь? Чем ты меня слушал? – вскрикивает она, всплеснув руками. – Ох, знала я, что не стоит доверять тебе с таким важным заданием. Изабель, пожалуй, нам стоит пойти и поговорить в спокойной обстановке.

Я ошарашенно перевожу взгляд с Сэма на Элис, а потом решаю, что той толики вежливости, которую я продемонстрировала до этого, будет более чем достаточно.

– Хватит. Кто вы и почему вы так с ним разговариваете и, что более важно, чего вы хотите от меня?

– Я... – Элис на мгновение замолкает, видимо, решая, что сказать, потом говорит. – Сэм – мой подчиненный, который не справился с заданием. Тебе же, Изабель, я хочу предложить сотрудничество.

Я киваю, прикрыв глаза, а затем поворачиваюсь к Сэму.

– Где Джон? Я сама доберусь, только скажи куда.

Лицо Сэма вытягивается, он с ужасом смотрит на меня, потом качает головой и шепчет:

– Прости меня, Иззи.

– Сэм, что происходит? – с замирающим сердцем произношу я. – Что с ним? Где он?

Он лишь мотает головой, на его лице явственно читается вина.

– Что с ним, Сэм? – я слышу, как срывается и дрожит мой голос, но не пытаюсь ничего с этим сделать.

– Ничего, Иззи, он в порядке. – тихо говорит он.

– Что?

– Он в полном порядке, как и Гордон. Твой дядя ничего не делал. – чуть громче произносит он.

– Сэм, я не понимаю...

– Он солгал, Изабель. – говорит Элис из-за моей спины, и я резко поворачиваюсь к ней.

– Что вы знаете? Где мой брат?

– Понятия не имею. Я даже не знала, что у тебя есть брат. – спокойно отвечает она.

– Что здесь вообще происходит? – не выдерживаю я. – Сэм, ты должен мне все объяснить прямо сейчас. Ты знаешь, чем все кончиться, если ты этого не сделаешь.

– Если ты угрожаешь все здесь разнести, как в том баре, то не советую этого делать. – встревает Элис.

– Откуда вы знаете? – ошарашенно глядя на нее, спрашиваю я.

– Ты же не думала, что я буду действовать вслепую? – снисходительно отвечает она.

– Что ж, вы знаете, что ничем хорошим это для бара не кончилось, тогда какого черта вы решили вывести меня из себя?

– Ничего подобного я и не планировала, Изабель. Ты должна была прибыть сюда, уже владея хоть какой-то информацией, но Этвуд все испортил...

– Я в точности следовал вашим приказам! – взрывается Сэм. – Я сделал все, а вы обвиняете меня, в чем, собственно?

– Тебе было велено привезти сюда Изабель, а по дороге ввести ее в курс дела. – с ничего не выражающим лицом говорит Элис.

– Что? Да вы лично запретили мне хоть что-нибудь ей сказать!

– Ты снова забываешься. – холодно отзывается она.

– Хватит. – резко требую я. – Немедленно мне все объясните или это место постигнет судьба того самого бара.

– Хорошо, нам стоит пройти в дом, там мы сможем поговорить спокойно. – кивает Элис.

Элис направляется к большому двухэтажному дому, который я до этого просто не заметила, и я следую за ней. Мы заходим в просторный кабинет с окнами почти от самого пола и до потолка, в котором стоят большой деревянный стол и два небольших дивана в мелкий

цветочек. Элис усаживается за стол, я сажусь в небольшое кресло напротив, и только тогда она начинает говорить.

В среде донариумов прошел слух о девушке, которая в щепки разнесла достаточно популярный бар, когда ей отказались дать то, о чем она попросила. Надо признать, было дело, но меня жутко разозлили. Решили, что если я девушка, а они накаченные бугаи, то им все можно. Идиоты. К тому же, мне очень был нужен тот чертов дисабл.

Потом, когда эту историю рассказали всем искателям, им дали задание найти ее, а Сэм посерел, из чего Элис заключила, что он что-то знает. Некоторое время он притворялся, что ищет меня с тем же энтузиазмом, что и остальные, а поскольку результатов не было ни у кого, большой проблемой это не стало.

Затем, когда поиски решили сворачивать, потому что девушка оказалась не только сильна, но и надежно спрятана, у Джека случилось видение. Как я поняла, он умеет видеть будущее, но только урывками, что-то вроде перелистывающихся картинок. Часто это достаточно бесполезно, но, на мое счастье, не в этом случае. На этот раз, видение было четким и ясным. Как говорит Элис, видения сменяли одно другое – девушка, стоящая в самом центре огромной воронки (никому и в голову не пришло, что воронка могла быть там раньше); та же девушка, уверенно идущая навстречу небольшой армии вэрумов; девушка, стоящая напротив предводителя Вэрума, с копьем, направленным ему в сердце; и, напоследок, лицо девушки. Я точно подходила под описание: черные волосы, прямой нос, зеленые глаза и недовольное выражение. Последнее Элис особенно подчеркивает.

После видения поиски возобновились с новой силой. Когда стало ясно, что обычным способом меня не найти, они подключили Гаррисона. Я так и не поняла, каким образом работает его дар, но Элис на этом внимания не акцентировала. Когда Гаррисон понял, что Сэм имеет ко мне какое-то отношение, его допросили с пристрастием. Четыре месяца назад, когда на адрес его бабушки пришло письмо о том, что он погиб. Сэм признал, что знаком со мной, но отказался им говорить, где я или как меня найти, затем прикинулся идиотом и отвел их в дом своей бабушки, где якобы оставил меня, хотя прекрасно знал, что там я не жила уже больше трех лет.

Когда меня не нашли, все очень разозлились. По словам Элис, обычно на поиск уходит неделя, от силы, две, а тут такое. Все, кроме Элис, поверили и Сэму, и тому, что он не виноват в том, что я смылась, однако ему продолжали втолковывать, насколько важно меня найти. В конце концов, Сэм признался, что, возможно, знает, где я еще могу быть, и его отправили ко мне одного, решив, что тогда, почувствовав опасность, я просто убежала. И вот, я здесь.

– И что дальше? Один разнесенный бар и пара видений ради такой сложной операции? Есть донариумы намного сильнее меня.

– Ты в этом уверена? – удивленно спрашивает Элис.

– Конечно.

– Возможно, дело не только в силе. Мы считаем, что видения Джека что-то значат, особенно, когда они такие четкие.

– Допустим, а в чем же тогда дело, если не в силе?

– Понимаешь, на нашей стороне есть сильные и одаренные донариумы, есть и обычные люди. Но ни один из них не решится открыто противостоять Нику.

– Нику?

– Предводителю Вэрума.

– А почему вы решили, что я решусь?

– Из-за видения. И потом, ты и со мной-то не особо церемонишься.

– А надо?

Элис смеется, но не отвечает.

– А в чем так провинился Сэм?

– Он ничего тебе не объяснил, – пожимает плечами она. – как я поняла, соврал, чтобы заманить тебя сюда. Я этого не одобряю.

– Вы это серьезно? Сэм не стал бы мне врать, если бы у него не было прямого приказа, даже не пытайтесь убедить меня в обратном.

– Я этого и не хочу, просто меня несколько... раздражает его неспособность исполнять приказы.

Я трясу головой, пытаюсь понять, что за игру она ведет, но единственное, в чем я уверена, так это то, что Сэм не наврал бы мне о Джоне, если бы это ни было необходимо. Конечно, это ничуть не умаляет моей злости, ведь он использовал моего брата против меня, но что-то здесь явно нечисто.

– А что это за место? – решив сменить тему, спрашиваю я.

– Это место – мой энергетический шар. – гордо произносит женщина. – Я создала его.

Я продолжаю задавать вопросы, но получаю все более расплывчатые ответы и, пока я пытаюсь выудить хоть какую-то информацию, в кабинет входит девушка с металлическим подносом в руках, на котором лежат бинты и баночки с лекарствами.

Я непонимающе поднимаю взгляд на лицо девушки и больше не могу отвести глаз. Она невероятно красива, но не это заставляет меня замереть, а ее глаза. Я никогда не видела таких красивых глаз, и, несмотря на хмурый взгляд, карий цвет радужки излучает тепло, а золотые вкрапинки навевают мысли о солнце.

Девушка окидывает меня внимательным взглядом и, положив поднос на стол между мной и Элис, открывает банку, смачивает ее содержимым бинт и протягивает мне. Увидев мой недоумевающий взгляд, указывает на мою щеку, и я, коснувшись ее пальцами, чувствую легкую боль. Синяк.

– А что это? – подозрительно спрашиваю я.

– Ничего особенного, – отвечает девушка, голос у нее оказывается под стать глазам, очень мелодичный. – просто заряженная целительницей вода.

После минутного колебания, я беру бинт и прикладываю к щеке. Ее сначала покалывает, потом окатывает волной холода и боль проходит.

Взволнованный голос Элис раздается совсем рядом, а я про нее и думать забыла.

– Что-то не так.

С неожиданной прытью она поднимается на ноги и выбегает из комнаты, уверенная, что мы последуем за ней.

Снаружи все в ужасе бегает туда-обратно, пытаюсь где-нибудь скрыться, но, честно говоря, не думаю, что палатки или роца могут послужить хорошим укрытием. Подняв голову, я вижу с десяток небольших, но быстрых хаубердов, которые кружат над нами, сея панику. Хауберды, начавшие зачистку – это нормально, странно то, что они до сих пор не начали атаку.

Я поворачиваюсь к Элис, надеясь получить хоть какие-то указания, потому что понятия не имею, где нахожусь. В конце концов, это ее «магический шар», но Элис стоит, прижав пальцы к вискам и зажмурившись, и слегка раскачивается из стороны в сторону. Похоже, от нее помощи ждать не приходится. Я снова запрокидываю голову, пытаюсь понять, почему хауберды нарезают над нами круги, как вдруг они начинают обстрел.

Люди кричат и бросаются в стороны, спасаясь от пуль или что бы там ни было, но они так и не достигают цели, а Элис судорожно вздыхает и, резко распахнув глаза, бросает:

– Дуб.

Она тут же уносится прочь, не дав мне и шанса спросить, что происходит, а девушка, до этого молча оглядывающая происходящее, поворачивается ко мне и говорит:

– Поможешь?

Кивнув, я бросаюсь следом за ней, и мы проносимся мимо палаток, не разожженных костров и убегающих людей, не останавливаясь, все дальше и дальше, не сбавляя темпа. Дышать, тем временем, становится все тяжелее, но не сколько от бешеного темпа, сколько от разъедающего нос и горло дыма. Откуда он взялся?

Глаза слезятся, и поэтому я замечаю огромное дерево, только когда оно уже почти перед нами. Хлопья пепла, слетая и догорая в воздухе, оседают на волосы, и я, поймав пару хлопьев на ладонь, вскидываю голову и вижу разрушающийся барьер. Так вот почему их атака не достигла цели: между огнем и целью был невидимый барьер. Я оглядываю небо, и вижу, что барьер, которого я не замечала раньше, дрожит, как стекло, но разрушен только этот участок. Оборачиваюсь кругом и убеждаюсь, что в барьере проделали дыру прямо над дубом.

«Это место – мой энергетический шар» – раздается в голове голос Элис. Все дело в дубе. Некоторые донариумы «запирают» свои дары в предметах, которые обычно либо создают сами, либо берут какую-то значимую для них вещь, ведь только таким образом можно использовать больше силы без каких-либо побочных эффектов. Или стать обычными людьми, как сделала моя мама: ее дар хранился в медальоне, который она отдала мне.

А этот дуб Элис наверняка вырастила сама, понемногу заключая в нем свою силу. Но дуб не просто предмет, он живет, а значит, они связаны и нуждаются друг в друге.

– Изабель, сделай что-нибудь! – кричит девушка, отрывая меня от созерцания барьера и установления связи.

– Что? – кричу я в ответ.

Я и правда не знаю, чем могу помочь: ведь моя сила не защищает, она оружие.

– Атакуй, – выдыхает она.

Подняв голову, я понимаю, что она имела в виду: один из хаубердов влетел в дыру и опускается все ниже. Сосредоточившись, я посылаю волну ему навстречу, но ничего не происходит, это значит, он защищен, но мне нужна лишь волна посильнее. Я концентрирую энергию, чтобы хватило одного удара, но крик, слишком громкий и близкий, отвлекает меня. Теряя контроль, чувствую, как энергия снова растекается по всему телу.

Раздраженная, поворачиваюсь посмотреть, в чем дело, и вижу Элис. Бледная, как полотно, женщина едва держится на ногах, ее глаза останавливаются на дубе, оставшиеся силы покидают ее, она падает на колени, теряя сознание, и валится на бок. Внезапно раздается грохот, заставивший нас оторвать глаза от Элис, и мы видим, как остатки барьера сгорают.

– Изабель? – голос кареглазой девушки раздается совсем рядом. В нем нет страха и отчаяния, только решимость и гнев.

Я перевожу взгляд на хауберд и с упавшим сердцем понимаю, что он почти подобрался к дереву.

– Слишком близко.

Воздух вокруг сгущается, и начинается буря. Бешеный ветер, грозящий перерасти в ураган, заключает нас вместе с дубом и Элис в сердцевину воронки, а девушка стоит в самой середине, раскинув руки в стороны и закрыв глаза.

Сделав пару шагов к лежащей на земле Элис, я опускаюсь рядом с ней на колени. Стоит мне коснуться ее холодной, как лед, руки, как она выгибается всем телом и снова падает, только на спину. Ее глаза распахиваются, затем фокусируются на ветре вокруг нас, и она шепчет:

– Силен.

Наверное, так зовут девушку. Я оставляю вновь потерявшую сознание женщину лежать на земле, потому что все равно ничем не смогу ей помочь, и поворачиваюсь к Силену.

Обернувшись, я ошеломленно замираю. Ее глаза больше не карие, а абсолютно золотые, зрачки превратились в точки, словно от яркого света, хотя, может, там свет и ярче. Силен парит в воздухе, чуть согнув колени и все так же раскинув руки в стороны, и, по-моему, ее удерживает ветер. Он оберегает свою хозяйку, плавно перенося ее в воздухе.

Этот же ветер нещадно бьет меня по лицу моими же волосами, в которых не осталось ни одной шпильки, а волосы Силен, длинные, цвета шоколада, лишь слегка развеваются позади нее. Тут в воронке открывается небольшое «окно», в котором появляется хауберд, и я сразу понимаю, что нужно делать. Собираю энергию и, задрвав голову, подбиваю его, а следом три других, появившихся в таких же окнах.

Не знаю, как долго это длится, но после десяти или двенадцати хаубердов, я чувствую, что очередной удар дается мне с трудом, и бросаю взгляд на Силен. Ей, похоже, еще хуже, ведь она использует гораздо больше энергии, чем я, и долго контролировать шторм не сможет. Она уже не так расслаблена, как раньше, а волосы хлещут по щекам и ее, и, кажется, глаза потухли.

Я кричу ей, пытаюсь сказать, чтобы она перестала, но мой голос тонет в царящем вокруг шуме. Когда мой взгляд цепляется за небольшой зеленый шар, упавший на землю прямо под Силен, я узнаю его, но уже слишком поздно: зеленый туман застилает глаза и исчезает, а Силен кричит и падает на траву.

Стоит Силен коснуться земли, как шторм прекращается, а ветер мгновенно стихает. Обессиленная, я тоже падаю набок и закрываю глаза. Практически потеряв контакт с реальностью, я слышу голоса, доносящиеся словно через толщу воды.

– Я справлюсь. Она жива?

– Ненадолго.

Я не могу пошевелиться, не могу даже открыть глаза. Удаляющийся гул хаубердов – последнее, что я слышу.

Глава 2

Когда я открываю глаза, за окном уже темно, а кто-то перенес меня в дом и положил на диван в кабинете Элис. Усталости я не ощущаю, поэтому решаю найти кого-нибудь. Обхожу комнаты первого этажа, громко окликая Элис, но безрезультатно, и, подойдя к подножью лестницы, без особой надежды снова зову ее, но, не услышав ответа, направляюсь к двери.

Выйдя на улицу, чувствую, как легкий ветерок, играя моими волосами, холодит щеки, и, подняв голову, вижу полукруг луны. Красиво, даже немного обидно, что луну теперь редко видно, ведь обычно она скрыта облаками. Оглянувшись вокруг, я замечаю свет костров, слышу тихий гул голосов и направляюсь туда.

Хоть людей и много, все они говорят полупшепотом и переходят от одного костра к другому, со свечами в руках, отбрасывающими причудливые тени на заплаканные лица. В памяти слишком живо всплывают похороны, в которых мне пришлось участвовать, но прежде, чем я успеваю сбежать, меня замечает Элис. Она идет мне навстречу и мне ничего не остается, кроме как позволить ей подойти. Всего одного вопроса хватает, чтобы Элис мне все рассказала: во время атаки были убиты пятеро, еще тринадцать человек забрали с собой вэрумы. Правда, оплакивают сегодня всех, и убитых, и пленных. Это не укладывается у меня в голове, но накотившая тошнота не дает мыслить ясно.

Закончив, Элис приглашает меня принять участие в церемонии. Пока я пытаюсь сообразить, как бы вежливее отказаться, к нам подходит девочка лет семи и передает Элис записку. Прочитав ее, женщина хмурится и, повернувшись к девочке, говорит:

– Исла, будь добра, проводи Изабель.

Девчушка, слабо улыбнувшись, протягивает мне руку, и, как только я беру ее, Исла ведет меня к ближайшему костру. По пути девочка берет свечу в стакане и протягивает мне, а я замечаю, что паника понемногу заполняет собой все мои мысли, несмотря на то, что я как мантру повторяю про себя: «Нельзя, нельзя об этом думать». Я следую за ней, пытаюсь унять тошноту и убеждая себя, что я почти не знала этих людей. Если на то пошло, то говорила я только с Силен.

Стоит нам подойти к костру, как Исла устраивается около женщины, наверное, своей матери, и предлагает мне сесть рядом. Я сажусь на бревно, а в голове молотом бьется: «Это не похороны твоих родителей!», но тщетно. Я отключаюсь от реальности.

Когда мне было девять, моих родителей убили. Мы с Джоном были в школе с самого утра, но я нехорошо себя чувствовала, и меня отпустили домой пораньше. Когда я зашла в дом, сквозь стеклянную дверь кухни я увидела, как какой-то мужчина держит мою мать. Только то, что он стоял боком к двери и не заметил меня, сосредоточившись на маме, спасло мне жизнь в те минуты.

Он был одним из донариумов Верума. Через дверь было плохо слышно, да и кровь стучала в ушах, но мама все время качала головой, наверное, повторяя, что ничего не знает, но он ей не поверил.

Я открыла дверь в ту же секунду, когда его рука превратилась в лезвие и он перерезал маме горло.

Я слышала собственный крик, даже не понимая, что кричу сама. Не знаю, как это случилось, но тогда я впервые убила. Окна разлетелись вдребезги, весь пол оказался покрыт стеклянной крошкой. Неконтролируемая волна оказалась очень сильной: я слышала, как ломались его кости, видела, как он открыл рот в беззвучном крике и как застыли его глаза. Он упал, а я в ту же секунду бросилась к маме.

Я пыталась ее поднять, но не смогла, обнимала ее, плакала, умоляя очнуться и сказать мне, что все будет хорошо. Умоляя не бросать меня.

Через несколько часов, по крайней мере, так утверждали висящие на стене часы с треснутым стеклом, я заставила себя отпустить маму и выйти из кухни. Как только мой мозг снова стал воспринимать происходящее, я точно знала, что не позволю Джону увидеть ее.

Я хотела выйти через переднюю дверь, но увидев дорожку из капель крови в коридоре, ведущему в гостиную, через которую нужно было пройти, я почувствовала, как глаза обжигают новые слезы.

Там был папа.

Я выбежала из черного входа и больше никогда туда не возвращалась.

Не помню, как добралась до школы, я нашла Джона, который сидел в классе с учительницей, которая ждала нашу маму, ведь Джон был еще маленьким и один ходить домой не мог. По-моему, я объяснила ей, что случилось, хотя и не уверена. Знаю лишь, что как-то я убедила ее отпустить нас.

Когда мы оказались у дяди Гордона, я сломалась. Я долго сидела и смотрела в одну точку, не реагируя на тетю Анабель, пытающуюся поговорить со мной и покормить меня. Ей удалось только уговорить меня переодеться и принять душ, после которого я снова села в угол. Я рассыпалась на части, мне было больно и плохо, но собирать себя мне было незачем: о Джоне теперь было кому позаботиться. Затем, плавно, я снова стала ходить, есть, спать, разговаривать. Прошло много месяцев, прежде чем тетя снова научила меня улыбаться, но я не стала прежней счастливой и жизнерадостной девочкой.

На похоронах родителей все было почти так же: костер, свечи, плач. Только людей было меньше и плакали все, кроме меня. Люди жалели меня, как будто я нуждалась в их жалости, как будто я вообще хоть в чем-то нуждалась, говорили, что это шок и я не могу поверить в происходящее. Еще как могла. Я ведь все видела своими собственными глазами, а потом убила убийцу своих родителей. Об этом я никому не сказала, кроме тети. Она была мне неродной, но я любила ее и доверяла ей. Помню, как она обнимала меня, успокаивала и ругалась с дядей, когда он кричал на меня или пытался за что-то наказать.

Я трясусь головой, надеясь хоть как-то избавиться от этих воспоминаний, вот только обстановка этому явно не располагает, поэтому, чтобы отвлечься, я сосредотачиваюсь на людях вокруг костров, и пусть на многих лицах написаны скорбь и печаль, лишь некоторые действительно убиты горем.

Мы уже довольно долго сидим молча, когда у соседнего костра поднимается мужчина и говорит, что пора начать ритуал. Мать Ислы, видимо заметив, что я не знаю, что делать, тихим шепотом сообщает мне:

– Нужно подумать об одном из умерших и задуть свечу.

Я думаю о том, что не знаю никого из убитых, что и говорить, я даже не в курсе, как их зовут и звали, да и вообще не вижу смысла оплакивать живых. Поэтому я вспоминаю мамину улыбку и задуваю свечу.

После того, как все свечи задуты, люди начинают расходиться, но не успеваю я решить, куда мне пойти, как рядом появляется незнакомый мне паренек и просит следовать за ним.

Мы снова оказываемся в кабинете Элис, где помимо самой хозяйки и Сэма, оперевшись на стену, стоит парень с темной бородой. Элис представляет нас друг другу, но Итон просто смотрит в никуда.

Я, все еще ни черта не понимающая, вдобавок расстроенная похоронами, начинаю выходить из себя. Сколько можно? Мало того, что из расплывчатых объяснений Элис накануне в моей голове так ничего и не прояснилось, так она еще и вздумала знакомить меня с невыражающим интереса к происходящему парнем. Именно это почему-то и становится для меня последней каплей, и я требую объяснений.

Элис, явно не ожидавшая такого хамства, на секунду замирает, а затем без сил падает в кресло. Да, я была груба, но чего она ожидала? Похоже, именно это и приходит ей в голову, и она быстро обрисовывает для меня ситуацию.

– Во-первых, мы на острове, во-вторых, он невидим, в-третьих, на остров напали впервые, а о потерях ты уже знаешь.

– Я не понимаю, почему мы не организовываем спасательную операцию.

К моему удивлению, эти слова произношу не я, а Сэм. Элис устало вздыхает и поворачивается к нему:

– Мы уже это обсуждали.

– Если уж на то пошло, я этого тоже не понимаю. Вы же, вроде как, спасаете мир. – скрестив руки на груди, произношу я.

– Я не собираюсь посылать людей на смерть. – хмуро отвечает Итон.

Значит, он все-таки умеет разговаривать.

– Я этого и не прошу, но не можем же мы их бросить. – не желая отступить, горячо возражает Сэм.

– Мы на войне. – для убедительности ударив кулаком по ладони, говорит Итон. – Иногда приходится жертвовать меньшим ради большего.

Господи, неужели этот идиот тут что-то решает?

– И все эти люди – меньше?! – Сэм срывается на крик. Похоже, Итон его раздражает куда больше, чем меня.

– Да кто ты такой, чтобы указывать мне, что делать?

Весь запал Сэма исчезает, его поставили на место. Меня нет.

– Сразу видно, твоих любимых там нет, – холодно роняю я.

На этот раз багровеет Итон, а не Сэм.

– Да как ты смеешь? – его руки сжимаются в кулаки. – Силен была моей кузиной, а ты...

– Была. – обрываю его я. – К твоему сведению, она была жива, когда из забрали. И я уверена, жива до сих пор.

– Откуда ты...

– Оттуда, что я была там, ты, кретин! Я не понимаю, как можно хоронить людей раньше времени.

– Хватит. – тихий голос Элис заставляет нас замолчать, ее душат слезы, но она продолжает, – Изабель, Сэм, мы ничего не можем сделать. Итон прав, мы не можем рисковать людьми.

– А вам не приходило в голову, что эти люди могут решать сами? – язвительно интересуюсь я.

В ответ Элис только качает головой.

– Думаешь, помогла спасти дуб и уже имеешь право голоса? – вздергивает брови Итон.

– Нет. Просто я знаю, что нельзя бросать людей в беде. – Элис поднимает глаза, но я буду не я, если все не испорчу, – И мне жаль Силен. Не из-за того, что ее схватили, – на меня направлены три пары удивленных глаз. – а потому, что ей достался такой никчемный кузен.

После этих слов поднимается страшный крик, а Итон пулей бросается ко мне, но Сэм успевает его перехватить. Лицо Итона от ярости покрывается красными пятнами, а сам он брызжет слюной, извергая проклятья. «Черт знает, какой у него дар» – проноситься в голове, и я поспешно выскакиваю за дверь.

Не успеваю я отойти достаточно далеко, как слышу свое имя, но не останавливаюсь, а наоборот, ускоряю шаг, прекрасно понимая, что это бессмысленно и зная, что мне все равно не убежать. Не проходит и минуты, как Сэм хватает меня за руку, разворачивая лицом к себе.

– Из, нам нужно поговорить.

В ответ я качаю головой, мне больно, в чем нет ничего удивительного.

– Иззи, послушай, мне очень, очень жаль...

Но я не даю ему закончить:

– Отпусти меня.

– Даже не подумая, пока мы не поговорим.

– Ты хочешь поговорить? Отлично, давай поговорим. Кстати, о чем именно? Может о том, как ты меня сюда заманил? – язвительно спрашиваю я, не переставая вырываться, пусть и понимая, что это бессмысленно.

– Я ни черта не понимаю! Тебя никогда не волновала ложь. Ты ведь всегда удивлялась, почему она так много значит для других.

– Правда. Для меня не проблема, когда люди врут просто потому, что им так удобнее, как ты врал мне по поводу работы, а я ничего не имела против. Я и сама много вру, потому что так спокойнее и проще, но это не из-за того, что ты соврал. А из-за того, что ты сыграл на моих чувствах. Ты лучше меня знаешь, что ради Джона я готова на все, и ты использовал это, чтобы манипулировать мной. Я не могу этого простить.

Сэм долго смотрит мне в глаза, и опять я удивляюсь, как мне удается разглядеть тоненькие зеленые ниточки в его глазах в темноте, затем он выдыхает и, наконец, произносит:

– Просто знай, что мне действительно очень жаль, а Джон в полном порядке, обещаю. Я не буду больше искать оправданий – я их не заслужил. Если тебе вдруг что-то понадобится, я всегда готов помочь в память о нашей дружбе. – он отпускает мою руку, слегка сжав ее напоследок. – Я знаю, что не должен был предавать тебя.

Едва он отпускает мою руку, как я отворачиваюсь от него и направляюсь к берегу. Горло словно сжато стальными тисками, ноги от усталости отказываются держать меня, а тело пронзает жуткая слабость. Лишь усилием воли я заставляю себя дойти до кромки воды и чуть ли не падаю на влажный песок.

Я даже не знаю толком, от чего устала. Сэм предал меня, он сам так сказал, и не думаю, что смогу простить его в ближайшее время. Он использовал мою главную слабость против меня, а это не легко простить.

Океан очень близко и его соленое дыхание помогает успокоиться, а на небе загораются звезды, пока я сижу на берегу, позволяя холодной воде плескаться у моих босых ступней. Я слушаю шум волн и таращусь в темноту, стараясь разглядеть океан, но он лишь ненамного темнее неба.

Когда горизонт начинает розоветь, ко мне, не говоря ни слова, подсаживается Элис.

– Как я могу вернуться домой?

Конечно, домом это место назвать трудно. Особенно учитывая тот факт, что я собираюсь найти себе новый, о котором не будет знать никто.

– Я не думаю, что тебе стоит возвращаться. Раз тебя нашли мы, значит, и Вэрум тоже сможет. Ты так же важна для нас, как и для них.

– С какой стати? Что во мне особенного?

– Понятия не имею. – слегка раздраженно отвечает Элис. – Но что-то есть, иначе Альберт не стал бы с таким упорством тебя искать.

– То есть, вы тоже не в курсе, зачем я нужна? – удивленно спрашиваю я.

– О нет, Изабель. – со странной улыбкой возражает она. – Я знаю, какая роль тебе приготовлена, не сказать, что я в восторге, но я, так же, как и ты, не вижу в тебе ничего особенного. Просто упрямая девчонка.

– Если таким образом вы пытаетесь уговорить меня остаться, то вам стоит попробовать что-нибудь другое. – сухо отзываюсь я и отворачиваюсь от нее.

– Ты горда, хорошо. – удовлетворенно кивает Элис. – Сильна, горда, красива. Умна?

– Можете не сомневаться.

– Ну да, ты же не повелась на мои обвинения против Сэма. – снова кивает она.

Я молча отмечаю, что все же была права.

– Кажется, вы не очень-то хотите, чтобы я осталась. – замечаю я.

– Правильно кажется. Но здесь даже я не смогла переубедить Альберта, – она вздыхает. – он уверен, что ты можешь помочь нам справиться если не со всеми нашими проблемами, то с большей частью.

– А с какой стати я должна решать ваши проблемы? Мне и своих хватает.

– Потому что взамен мы можем решить твои. Ты, кажется, беспокоилась о своем брате. Можешь привезти его сюда, я обеспечу его защиту. – предлагает она.

– Да, я видела. – усмехаюсь я.

– Ты думаешь, что пара часов дала тебе полное представление о том, что здесь происходит? Посмею тебя разочаровать, все не так.

Элис выдыхает, потом слегка морщится и произносит:

– Мой остров не просто невидим, Изабель. Я постоянно перемещаю его по океану, что позволяет нам уходить от опасности, а эта... ошибка вышла из-за того, что мы стояли на месте, позволяя Райану вернуться вместе с тобой.

Что ж, должна признать, умно.

– И вы обещаете защитить Джона, если я соглашусь? – интересуюсь я. – Как я должна понять, что вообще могу вам верить?

– Никак. Но можешь мне поверить, к твоему брату я неприязни не питаю.

– Это ведь наверняка опасно. Что если меня убьют?

– Твой брат останется здесь и после твоей смерти, если ты до этого нас не предашь. В таком случае мы его, конечно, не убьем. Просто вышлем обратно.

– Звучит честно. – заключаю я. – Я думаю, что приму ваше предложение, я бы даже извинилась за то, что это вам не по душе, но меня это, честно говоря, не волнует. Сейчас каждый думает о себе.

– Конечно, так и есть в твоем мире. Но здесь мы беспокоимся и друг о друге, так что, если ты попытаешься навредить тому, кто дорог мне, тебе придется за это заплатить.

– Не сомневаюсь и могу сказать то же о себе. – с улыбкой возвращаю угрозу я.

– Тогда, я думаю, мы все уладили. Можешь привезти своего брата, когда посчитаешь нужным. Попроси любого пилота отвезти тебя, я дам соответствующие распоряжения.

– Хорошо. – киваю я. – Но есть еще кое-что. Если я остаюсь с вами, это не значит, что я могу, как и вы, похоронить живых людей.

– Это что, ультиматум? – вздергивает брови Элис.

– Можете назвать это как угодно, но, по-моему, вы сами сказали, что здесь люди заботятся друг о друге. – пожимаю плечами я.

– Справедливо. Значит, ты еще и не бессердечна, тоже хорошо. Что ж, я сообщу Итону, чтобы он приготовился.

Я киваю, и Элис уходит, а я решаю, что пока здесь будут идти приготовления, я успею забрать Джона.

Я знаю, что лететь нам не больше часа, но все равно кошусь в окно, ожидая нападения. Мы покрыли уже половину пути, и я, в надежде, что смогу хоть как-то успокоиться, снимаю с шеи медальон, глажу пальцами черное золото, говорят, оно и раньше было очень редким, а сейчас его и вовсе перестали добывать, и в сотый раз перечитываю гравировку: «Самое странное в мире – время». Этот медальон мама подарила мне на девятый день рождения, и, по сути, этот медальон – чуть ли не все, что у меня от нее осталось. Она сказала, что он будет мне напоминанием и защитой, а я до сих пор не могу понять, что она имела в виду.

Я так и не узнала, каким даром обладала моя мама. Помню только, однажды я не могла заснуть и хотела спуститься вниз, чтобы попросить чашку горячего шоколада, но застыла на лестнице, услышав мамин плач.

Папа спрашивал ее, что не так, а она только плакала и повторяла: «Она стала такая красивая», потом мама успокоилась и потребовала, чтобы папа заставил дядю Гордона пообещать, что он не бросит нас, когда их не станет. Папа, судя по голосу, был в замешательстве, но согласился. Через полторы недели, в мой день рождения, мама подарила мне медальон, словно зная, что случится потом, а через два с половиной месяца их не стало.

– Мы на месте.

От тихого голоса пилота я вздрагиваю, и отмечаю, что гул хауберда стал тише, значит, мы и правда уже на земле. Я поднимаюсь на ноги и выхожу из хауберда, не отрывая взгляда от небольшого кирпичного двухэтажного дома, а сердце мучительно сжимается в груди. С этим местом не связано почти ни одного счастливого воспоминания. Только тетя Анабель.

Поднявшись по ступеням знакомого крыльца, я глубоко вздыхаю, перед тем как постучать, затем слышу дядин голос и его шаркающие шаги, усиливающиеся с каждой секундой. Описать его лицо, когда он видит меня, стоящую у него на пороге, невозможно, и, хотя он просто молчит и смотрит на меня, приходится сделать хорошую мину при плохой игре и притвориться, что я не пропала неизвестно где шесть лет.

– Привет, дядя. Давно не виделись.

Дядя продолжает смотреть на меня так, словно видит приведение, а потом выдает, подтверждая мое предположение:

– Я думал, ты мертва.

Кто бы сомневался, вот только не думал, а надеялся. Не дожидаясь приглашения и прекрасно зная, что я его не получу, я прохожу в дом мимо него, и тут же, из прихожей, зову Джона. Мой младший брат слегка ошарашено выходит из комнаты и обнимает меня.

– Изабель, ты... здесь?

Судя по взгляду, он вспомнил тот день, когда я со скандалом ушла отсюда, поклявшись, что никогда не переступлю порог этого дома снова. Подняв руку, я треплю волосы Джона, черные, как у меня и с грустью отмечаю, что он вырос и еще больше стал похож на маму.

Чуть наклонившись, я тихо шепчу:

– Я тебя забираю, иди, собирай вещи.

Затем с неохотой поворачиваюсь к застывшему в дверях дяде, успев заметить, как лицо Джона озарилось счастливой улыбкой. Стоит ему уйти, как дядя скрещивает на груди руки и произносит:

– Я его тебе не отдам, не позволю забрать.

– А я и не спрашиваю разрешения. – может, не зря он меня ненавидит? Впрочем, его чувства взаимны. – Он мой брат и я – та, кто должен о нем заботиться.

Я говорю это спокойным, уверенным тоном, а дядя багровеет от ярости.

– Я сказал, он никуда не пойдет!

– Сейчас гораздо важнее, что говорю я, – лениво поигрывая в воздухе пальцами, произношу я.

– Изабель, пожалуйста, не делай этого.

От его искренности я теряюсь и не знаю, что сказать, но, поборов удивление, произношу:

– Я обещала ему, что заберу его, как только смогу и собираюсь сдержать слово.

– Но он все, что у меня осталось. – жалобно говорит дядя Гордон.

– У меня тоже, – напоминаю я. – ты должен отпустить нас.

– Я не могу! Как ты не понимаешь?

– Он жил с тобой десять лет. – напоминаю я. – Теперь моя очередь.

– Ты хоть понимаешь, что через десять лет я могу быть мертв? – раздраженно интересуется дядя.

– Как и я. – жестко произношу я, – К тому же, я не собираюсь дожидаться твоей смерти или ускорять ее, я забираю его сейчас. – и, горько усмехнувшись, продолжаю. – А через десять лет ему не будем нужны ни я, ни ты.

– Изабель, я готов. – раздается голос за моей спиной. – А мы надолго уезжаем?

– Не знаю. – не оборачиваясь, отзываюсь я.

– Но, когда мы вернемся? – недоумевает Джон.

– Видишь? Ему здесь нравится! – кричит дядя, тыча пальцем то в меня, то в Джона.

– Хорошо, я обещаю, что ты будешь приезжать сюда как можно чаще. Но, быть может, мне тоже придется остаться. – сдаюсь я.

– Я согласен, – быстро говорит дядя Гордон. – твоя комната в твоём распоряжении, я ничего там не менял.

Мы выходим из дома, и Джон восторженно бежит к хауберду, который едва помещается между домами. Интересно, как мы взлетим? На последней ступеньке я оборачиваюсь и вижу, как дядя провожает Джона полным боли взглядом, а затем переводит его на меня. Я одними губами говорю:

– Обещаю.

Перед тем, как закрыть за собой дверь хауберда, я снова смотрю на Гордона, но, почувствовав укол вины, сразу отворачиваюсь: он выглядит убитым и словно стал меньше ростом, а плечи поникли.

Никогда не думала, что организовать спасательный отряд настолько трудно: Итон просидел пол дня, рисуя карты, затем, все вместе, Элис, Итон, я и, к моему неудовольствию, Сэм, провели еще несколько часов, изучая эти карты, прикидывая, где лучше остановить остров. Итон, как оказалось, не такой уж идиот, по крайней мере, не такой, как мне показалось сначала. Он постоянно указывал на вещи, которые нужно узнать и сделать, которые в жизни бы не пришли в голову мне.

Остаток ночи Итон и Элис обсуждали, кого включить в группу. Проблема была не только в том, что не все хотели идти, но труднее всего было подобрать идеальное сочетание даров, да и что не говори, большинство искателей, обладающих полезными дарами, как и обычно, были на поисках. В итоге, Шэрон, Сэм и я оказались в группе, которая пойдет внутрь за пленными, еще две группы по четыре человека будут ждать снаружи и, при крайней необходимости, начнут отвлекающий маневр. Дар Итона оказывается довольно полезным, но вряд ли может причинить кому-либо вред: он умеет видеть глазами другого человека, но сначала ему нужно проникнуть в его сознание, а потом уже он сможет беспрепятственно следить за нами, чтобы в случае чего отправить другую группу. Надо сказать, согласилась только Шэрон, а мы с Сэмом отказались наотрез. Каким бы гениальным стратегом ни был Итон, он мне не нравится, и пускать его в свою голову я не собираюсь, а о чем думал Сэм, сказать не возьмусь.

Зато у Шэрон оказывается просто незаменимый дар: она может перемещаться в пространстве по своему желанию. По ее словам, это называется телепортацией, а я где-то слышала это слово раньше, но самое лучшее то, что она может брать с собой людей. Мы с Сэмом – оружия ближнего боя и дальнего поражения (по крайней мере, так выразился Итон). По его плану, мои волны возьмут на себя тех, кто будет дальше, а Сэм, который очень силен физически, но при этом уязвим, тех, кто сумеет проскочить мимо меня. Для защиты нам нужен Мишель, даром которого является щит, и все в один голос твердят, что он достаточно силен, чтобы оставаться в хауберде и защищать нас.

Когда мы уладили этот вопрос, Элис зовет Гаррисона, чтобы узнать, где именно в замке находятся пленники, и, пока мы ждем, после всех этих приготовлений, я чувствую, что я там,

где и должна быть, как бы нелепо это не звучало. Мы все слоняемся в кабинете Элис, которого практически не покидали больше суток, а Гаррисон говорит, что будет искать Райана. Когда я спрашиваю, кто это, Сэм отвечает: «Наш пилот», потом вспоминает, что не должен со мной разговаривать и, нахмурившись, отворачивается.

Устроившись в кресле, Гаррисон, не шевелясь, сидит с закрытыми глазами, и, хотя время тянется медленнее из-за ожидания, а усталость сказывается гораздо сильнее, когда мы просто застываем вокруг, наблюдая за ним, он вскоре прячет лицо в ладонях и с силой трет его, а потом глухо сообщает:

– Он мертв.

Проходит еще пара минут и Гаррисон, отняв руки от лица, снова замирает.

Я молча слежу за его лицом, а следом вспоминаю ничем не объяснимое желание спасти Силен. Может быть, пока мы сидели здесь, играя в шпионов и стоя планы, их всех убили. Подняв глаза, я вижу, что Гаррисон водит рукой с карандашом по карте замка, так и не открыв глаз, и когда он заканчивает, Итон нарушает тишину:

– Она жива?

– Я не знаю. – отвечая, Гаррисон избегает смотреть ему в глаза. – Ты же понимаешь, я не могу ее найти. Прости.

Лицо Итона не меняется, и мне становится интересно, почему он так спокоен. Неужели настолько держит себя в руках, зная, что его кузина в смертельной опасности или ему просто наплевать?

Сразу после этого нас с Сэмом и Шэрон отправляют отсыпаться, но потом Элис решает разогнать всех, потому что, если кто-то заснет в разгар событий, это будет куда хуже, а сама обещает позаботиться обо всем, что еще нужно делать.

Глава 3

Я бегу и бегу, даже не пытаюсь перестать, потому что знаю, что это бесполезно. Понимаю, что сплю, но проснуться не могу, мне в любом случае придется досмотреть сон до самого конца. Вокруг тянутся стены лабиринта из живой изгороди, настолько узкие, что, если вытянуть руки, то можно их коснуться, и снова невыносимо темно, а свет бьет только из центра лабиринта. Сон повторяется раз за разом, поэтому я знаю, что всего через три поворота буду на месте, а единственное, что неизвестно, так это кто будет умирать на этот раз: мама, папа или Джон.

Я поворачиваю, и становится светлее, но облегчение исчезает, потому что тут же раздаются крики. Я поворачиваюсь кругом, пытаюсь понять, откуда раздается звук, но, кажется, что кричит сама изгородь, потом ноги несут меня по ненавистному маршруту, и я выхожу к центру, где на плоском камне навзничь лежит Сэм. Весь в крови, с ранами по всей груди, которую видно сквозь разодранную футболку. И, к моему изумлению, уже мертвый.

Я не бросаюсь к нему, просто жду пробуждения, но оно не приходит. Мне кажется, что проходит вечность, а я все стою и жду, но потом неизвестно откуда появляется ветер и приносит запах крови Сэма. Меня пугает неизвестность, и я стою, боясь пошевелиться, но ничего не происходит, лишь ветер дует мне в лицо, а металлический запах крови вызывает тошноту.

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя сделать шаг, в мгновение ока оказываясь рядом с ним, преодолев расстояние, как можно только во сне.

Я стою прямо над Сэмом, у головы, и вижу его открытые глаза. Ореховые с зелеными прожилками, прямо как в жизни, но мертвые. Я кричу и, наконец, просыпаюсь.

Остаток ночи я провожу без сна, от безделья считая звезды, а потом проваливаюсь в воспоминания о нашей с Сэмом первой встрече.

Прошел почти год с того момента, как я ушла из дядиного дома и жила, где придется, случалось, и под открытым небом. В тот вечер я искала, где переночевать, потому что женщину, у которой я остановилась, убили, но сложилось так, что мне пришлось удирать от какого-то мужика, даже не зная, что ему от меня нужно.

Я пробежала пару кварталов, сумка с вещами больно била меня по бедрам, а он все следовал за мной. Я никогда раньше не была в этом районе, да и в любом случае, было темно, и я была напугана, поэтому не заметила, как забежала на улицу, заканчивающуюся тупиком. Больше бежать было некуда.

Мне было четырнадцать, контролировать свою силу я не научилась, да и страх мешал, а мужик был и вправду страшный. Я знала, что не смогу защититься. Концентрации не было ровным счетом никакой, а сердце колотилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди. Я прижалась к стене, насколько было возможно, стараясь спрятаться в тень, и увидела этого мужчину снова. Он ухмылялся, надвигаясь на меня.

Я попыталась выбросить волну, но она срикошетила в небо, а мужчина уже сделал два медленных, почти ленивых шага ко мне, когда он выпрыгнул из темноты, и, не сказав ни слова, встал прямо передо мной. Я не видела его лица, он стоял спиной, загораживая меня, но мне все равно было страшно. Что может сделать этот мальчишка? Он едва старше меня. Тем временем, мужчина подходил все ближе и когда он замахнулся на Сэма, тот перехватил руку мужчины и скрутил ее так, что раздался треск ломающихся костей.

Мужчина закричал. Сэм все так же держал его, пока он осыпал его проклятьями и руганью, не сказал ни слова, когда тот начал умолять его отпустить, а только сильнее сжал запястье, и, когда мужчина закричал пронзительнее и громче, чем прежде, отпустил, и он сразу же убежал. А Сэм, повернувшись ко мне, стал медленно подходить, наверное, боясь напугать меня.

Первыми я заметила его глаза. Я до сих пор не знаю, как умудрилась разглядеть зеленые прожилки и ореховый цвет в темноте проулка, ведь именно глаза заставили меня довериться ему. Огромные, честные и полные тоски.

Так же молча, он взял меня за руку и потянул за собой. Я не помню, как мы шли к нему домой, но вскоре мы оказались в маленькой комнате, где близко друг к другу стояли кровать, круглый стол, три разномастных стула, шкаф и старая плита. Он поставил чайник и только тогда повернулся ко мне.

– Ты в порядке? – будучи не в состоянии ответить, я просто кивнула. – Можешь положить его, теперь ты в безопасности.

На моем лице наверняка отразилось недоумение, потому что он подошел ко мне и, разжав мои пальцы, высвободил нож, который я вытаскала из-за пояса, когда поняла, что мужик следует за мной, а потом посадил на один из стульев. Коротко свистнул чайник, тогда Сэм заварил две чашки чая и достал тарелку с немного подгоревшим печеньем. Он протянул мне кружку, и я вцепилась в нее обеими руками, вдыхая чем-то до боли знакомый запах.

– Кстати, я Сэм.

– Изабель, – хрипло ответила я.

– Красивое имя. – улыбнулся он.

– Спасибо, – выдохнула я и быстро добавила дрогнувшим голосом. – за то, что спас меня.

– Да без проблем. – не переставая улыбаться, ответил он. – А как ты туда попала?

Я пожала плечами:

– Искала, где переночевать.

– Можешь остаться тут, если хочешь. – предложил Сэм.

– Спасибо, мне бы пригодилась помощь.

– Кровать твоя.

– А ты?

– Не беспокойся. Мне хватит места на полу.

Я сделала глоток из чашки и улыбнулась, вспомнив, почему запах казался таким знакомым: мама делала чай с мятой, когда я была маленькой и, раскапризничавшись, плакала до посинения.

Так и закончился день, когда мы стали друзьями.

С рассветом все просыпаются и забираются в большой хауберд. Шэрон оказывается миниатюрной женщиной с рыжеватыми волосами, хотя, может, она младше, но ее лицо испещрено морщинами. Когда Мишель поднимается на борт, я понимаю, почему Элис описала его одним-единственным словом: «безопасность». Широкие плечи, короткие песочные волосы, светло-карие глаза и что-то в его выражении лица заставляющее сразу ему верить. Они с Итоном пожимают друг другу руки, потом он садится напротив меня и ухмыляется:

– В первый бой, а?

– Первый? – снисходительно переспрашиваю я.

– Ууу, большая девочка.

В ответ я только смеюсь и пожимаю плечами. Шэрон садится рядом с Мишелем и спрашивает у него:

– У тебя было задание или как?

– Нет, я работал. – отзывается он. – Ну, знаешь, спасал мир и все такое.

– А кем ты работаешь? – спрашиваю я.

– Щитом в Лигнуме. На этот раз повезло, попала маленькая добрая девочка.

Понятия не имею, где этот Лигнум, но суть ясна, он телохранитель для богатых особ. Не так уж и плохо.

Последним на борт поднимается Сэм, а свободное место осталось одно – рядом со мной. Либо все сговорились, либо у меня паранойя, причем, скорее, второе.

Итон еще раз прогоняет наш план, желая удостовериться, что мы всё запомнили. Шэрон, Сэм и я проникнем в замок с восточного входа, даже не входа, а лазейки, Итон будет следить за нами и, при необходимости, отправит подмогу, а Мишель все это время будет защищать нас. Остаток пути я нервно тереблю медальон и думаю о том, сколько лет старательно играла в прятки и вот она я, сама лезу, куда не надо. Молодец, Изабель! Впрочем, логикой и здравым смыслом я не отличалась никогда.

Двигатели утихают, мы садимся, и Сэм первым вскакивает на ноги, а следом выпрыгиваем мы с Шэрон и направляемся к бреши в воротах. На прощанье Мишель напоминает, что может защищать нас, только когда мы держимся вместе, и, хотя это известие меня не радует, перспектива действовать успокаивает.

Мы петляем по пустым коридорам, а я просто слеую за Шэрон, потому что замок напоминает настоящий лабиринт. Пару раз из-за поворотов раздаются голоса, и Шэрон приходится резко поменять направление, чтобы нас никто не заметил, но в итоге все равно появляется нужный нам бледно-желтый коридор.

– Минута, и мы на месте. – шепчет Шэрон.

– Отлично. – отзываюсь я.

Шэрон останавливается, желая на всякий случай свериться с картой, а я сворачиваю за угол, и прямо передо мной появляются двое мужчин. Я даже не успеваю отреагировать, когда кулак правого врезается в мою скулу, и отлетаю назад, врезавшись в Сэма, и пытаюсь выбраться из его рук, а в итоге отскакиваю и шиплю:

– Да что с тобой не так?

Сэм ошарашено пялится на меня, и тут Шэрон взвизгивает:

– Ребята!

Глянув через плечо, я посылаю волну в дальнего мужчину, и его швыряет о стену. Он неплохо припечатывается головой и оседает на пол, а Сэм, ринувшись вперед, нокаутирует другого.

– Спасибо. – выдыхает она.

– Какого черта щит не работает? – шепчу я, хотя шума мы уже подняли достаточно.

– Не знаю. Ты в порядке? – обеспокоенно спрашивает Шэрон.

– Ерунда, отлично. Давайте найдем всех и уберемся отсюда. – отмахиваюсь я.

Мы быстро проходим коридор и открываем дверь, за которой, по словам Гаррисона, держат пленных, и в комнате действительно оказывается полно людей. Единственной проблемой является то, что это взрумы.

Большинство стоят к нам спиной у какой-то грифельной доски и все одеты в зеленую форму. Потом они все, как один, поворачиваются и замирают с одинаково глупым выражением на лицах, а Шэрон вскрикивает, увидев их из-за наших с Сэмом спин, и все приходят в движение, как будто именно это и становится сигналом к действию.

Сэм начинает размахивать кулаками, ни в кого толком не целясь, но это ему и не нужно, ведь нас окружили так, что невозможно сделать шаг, ни на кого не наткнувшись. Я собираюсь с силами и начинаю отшвыривать тех, кто кидается ко мне, но они слишком близко и волна просто не успевает набрать силу. Мы ничего не можем поделать, когда они окружают нас, при этом отделив друг от друга.

Краем глаза я замечаю дверь, за которой, наверное, и держат пленников, но понимаю, что нам туда не добраться, а повернувшись, вижу, как один мужчина замахивается на Шэрон и, кто-то обхватывает меня сзади, обездвигив руки, воспользовавшись тем, что я отвлеклась. Ругнувшись, я безрезультатно пытаюсь сбросить его с себя, но он слишком тяжелый. Лягаясь,

стараюсь наступить ему на ноги, но он сам меня отпускает, и я, по инерции продолжая двигаться, кое-как остаюсь на ногах.

Оглядываюсь и вижу, как Сэм бьет другого солдата по голове, а они отступают, словно признавая поражение, и, хотя это кажется мне странным, времени на раздумья нет. Я бросаюсь к Шэрон, которая шипит от боли, и замечаю у нее в руке нож, всаженный чуть выше локтя. Подняв на меня глаза, она стонет:

– Обернись.

Я вспоминаю про копьё, но знаю, что не успею его выхватить и бью кого-то с разворота локтем в нос. Нам нужно выбираться отсюда, и Шэрон – наш единственный шанс. Выхватив копьё, я описываю им круг в воздухе вокруг нас, стараясь держать вэрумов на расстоянии, но они даже не приближаются, а Сэм проходит через них к нам, и несмотря на все попытки, они не могут к нему прикоснуться. Мишель! Он восстановил барьер.

Концентрация адреналина в крови уменьшается, мое тело решило, что все кончено, а оно редко ошибается, и я беру Шэрон за раненую руку, едва касаясь ее ладони, стараясь не сделать ей больнее, а она протягивает вторую Сэму и, преодолевая боль, сжимает мою руку крепче. Дыхание Шэрон становится ровнее, а у меня перед глазами вспыхивает лицо Силен. Мы не смогли вытащить их.

Внезапно чья-то рука грубо хватает меня за локоть и дергает, глаза Шэрон распахиваются, но сил в раненой руке недостаточно, чтобы удержать меня. Страх провоцирует новый выброс адреналина, когда я вижу, как они растворяются в воздухе и, не сдерживаясь, выбрасываю круговую волну, расшвыривая всех вокруг: людей и мебель отбрасывает к стенам, а с потолка сыпется штукатурка.

– Ну, давайте! – кричу я.

В дверном проеме появляется мужчина лет тридцати, оглядывает меня и повалившихся друг на друга солдат, затем снова переводит на меня взгляд и чем пристальнее он на меня смотрит, тем медленнее текут мысли, а всего через несколько мгновений перед глазами темнеет, и я даже не понимаю, почему вдруг оказываюсь на полу.

Глава 4

Они закрыли меня в маленькой комнате с диваном, журнальным столиком и круглыми часами на стене. Не знаю, как долго была без сознания, но, судя по слабости и практически полному отсутствию энергии волн, недолго.

К тому моменту, как открывается дверь и в комнату заходит огромный чернокожий мужчина и очень худая блондинка, проходит уже почти час. Девушка не красива, но что-то в ней цепляет, скорее всего, ее внешностный оксюморон: светлые, почти белые волосы и черные глаза. Вдобавок, она выглядит так, словно ей наплевать абсолютно на все происходящее. Может, она на наркотиках? Как вариант.

Мужчина же явно проводит за штангой гораздо больше времени, чем нужно. Он лысый, а кожа настолько темная, что отликает синевой и, в отличие от спутницы, его, кажется, можно взбесить уже тем, что дышишь. Он делает широкий шаг мне навстречу, а я еле сдерживаюсь, чтобы не отступить.

– Итак, – начинает он, и я понимаю, что он решил, будто я напугана. Наивный. – чем займемся, дорогуша? Может, поиграем?

Вне зависимости от того, какую игру он предложит, мне она не понравится, и я не отвечаю, потому что знаю: стоит мне открыть рот и поток ругательств мне будет уже не остановить, а он это вряд ли оценит.

– Молчишь? Неужели думаешь, что тебе это поможет? Или начиталась старых романов: «Вы имеете право хранить молчание, каждое ваше слово может быть использовано против вас?» – издевательски ухмыляется он.

– К сведению, в романах об этом пишут редко, это больше относится к законодательству времен демократии и существования правительства.

Только договорив, я уже понимаю, что за это придется ответить. Хотя, я в любом случае вряд ли уберусь отсюда живой, так что терять нечего. «По крайней мере, – проноситься в голове, – Джон в безопасности, Сэм не допустит, чтобы с ним что-либо случилось, в этом сомневаться не приходится».

– Ты будешь играть, потому что так хочу я. И играть мы будем по моим правилам. – медленно приближаясь и скаля зубы, говорит мужчина.

– Иди к черту. – с отвращением отвечаю я, а мужчина открывает было рот, но девушка, поморщившись, останавливает его плавным жестом и говорит:

– Уильям, прекрати. Просто узнай, что нам нужно и все.

Я вскидываю подборок и смотрю на нее сверху вниз, а сердце отбивает бешеный ритм. Вот оно. Я знаю, что им нужно, но они этого не получают.

– Ладно, ладно. – насуплено отвечает ей Уильям. – Хотя так будет гораздо меньше веселья.

– Меня не волнует веселье. – по сути, по ее лицу сложно догадаться, что она вообще знает, какого это – волноваться. Или веселиться.

– Сказал же, ладно! – раздраженно отвечает он. – Итак, дорогуша, как ты видишь, Моника не хочет играть. Тебе же хуже. Поэтому, давай ты просто ответишь: где он?

– Кто? – передразнивая его, я поднимаю брови и спрашиваю тем же тоном. Просто потому, что не могу удержаться.

– Не пытайся разозлить меня, дорогуша, ты не хочешь этого увидеть. – угрожающе сообщает он. – Где остров?

– Почему бы тебе не посмотреть на карте?

– Карте? – ошалело спрашивает он, забыв, что нужно сохранять «пугающее» выражение.

– Ну да, знаешь, бумага, на которой нарисован план местности, называется картой. – пожав плечами, объясняю я.

Моника смотрит на меня, а не сквозь, и, хотя я понятия не имею, о чем она думает, лучше бы и дальше продолжала разглядывать интерьер.

– Не шути со мной, дорогуша, острова Элис нет на картах.

– Ах, ты об этом острове. – протягиваю я. – Прости, но в этом случае я тоже не имею ни малейшего понятия.

Сказав это, я даже не соврала – Элис должна была уже переместиться, а куда, я не знала.

– Что?! – рывкает он.

– И что это означает? – снова с отсутствующим видом спрашивает Моника.

– То, что я сказала. Я не знаю, где он.

– Но ты там живешь, – рассудительно продолжает она.

– Вас, должно быть, дезинформировали. Я там оказалась не по собственной воле, да и не особенно этому радовалась, а когда попыталась сбежать, поняла, что я на острове и занесла единственный дом, после чего мне позволили уйти, но с завязанными глазами. Так что, я сомневаюсь, что это называется жить на острове.

– Допустим. Но как ты туда попала?

– Повторюсь, – закатив глаза, говорю я. – я была без сознания. А когда сумела оттуда выбраться, мне завязали глаза.

– Как предусмотрительно. – шуриться она, а я пожимаю плечами. – А почему ты сразу не ушла, а полезла сюда?

– У вас моя подруга. Я не могу ее бросить. – сквозь зубы говорю я.

Моника почти мне поверила, но Уильям оказался умнее.

– Слишком все складно, она врет. Ты знаешь, что делать.

Когда до меня доходит, что именно он сказал, уже слишком поздно: девушка пожимает плечами и поднимает руку ладонью вверх, и в ту же секунду меня накрывает боль.

Я хватаюсь за голову и падаю на колени, но не произвожу ни звука, проходит, скорее всего, минута, но мне она кажется вечностью, и так же внезапно, как началась, боль исчезает, и я со свистом выпускаю воздух из легких.

Все еще сжимая голову, пытаюсь отдышаться и дотянуться до энергии внутри, но нахожу только пустоту.

– Крепкий орешек. – присвистывает Уильям. – Даже не закричала.

– Пока. – слышу я в ответ.

На этот раз попытка короче, и я только шиплю, а когда Моника меня отпускает, пытаюсь отнять руки от головы, но не могу. Делаю глубокий вдох, приказывая мышцам расслабиться, и это срабатывает. Когда я снова на ногах, Уильям задает мне тот же вопрос, и я посылаю его к черту. Попытка повторяется, но на этот раз она дольше, и я тихо, сквозь зубы, ругаюсь.

Боль раздирает мою голову раз за разом и, через несколько таких серий, я ломаюсь, не в состоянии сдерживать крик, и кричу так сильно, что болит горло. Моника поднимает руку все выше и выше, попытки длятся все дольше, но ответа она не получает.

Между криками я осыпаю их обоих проклятьями, а вскоре и вовсе перестаю подниматься, просто не вижу смысла и, бросив взгляд на часы, вижу, что прошло полтора часа. Я и правда крепкий орешек.

Через некоторое время из носа течет кровь, и я сплевываю ее Монике на ботинки, но она никак не реагирует. Мне самой противно от того, что я корчусь на полу у ее ног, но я выдохлась. В другое время я размазала бы ее по стенке, но сейчас это явно выше моих сил, а помощи ждать неоткуда. Вскоре до меня доходит, что она специально увеличивает интервалы между попытками: чтобы я не умерла и не потеряла сознание. Кому захочется играть с мертвой игрушкой?

Я больше не могу говорить, а они не требуют ответа, просто продолжают пытаться. Я лежу на полу и не могу пошевелиться, а тело бьет крупная дрожь. Вижу дверь, но не запоминаю, как она открылась, зато запоминаю его лицо: бледная кожа, высокие скулы, темные спутанные волосы, открывающие лоб. И холодные голубые глаза с густыми темными ресницами.

Он смотрит сначала на них, потом его взгляд останавливается на мне, мелькает изумление, а затем я понимаю, что он зол. И не просто зол, он в ярости.

– Что вы делаете? – спрашивает он холодным, как сталь, голосом:

– Пытаемся узнать, где остров. – отвечает Уильям, откровенно гордый собой, а я продолжаю смотреть на вошедшего, потому что не могу ни повернуть голову, ни закрыть глаза.

– С чего вы взяли, что для этого нужно ее пытаться? – его вопрос остается без ответа, а сам он подходит ко мне и поднимает на руки. – Кто вам позволил так с ней обращаться?

Когда я в его руках, а моя голова лежит у него на груди, мне кажется, что я в безопасности. Глупо, больше нигде не безопасно, но мое израненное тело этого не понимает, а его руки держат меня нежно и крепко, да и мозг слишком перегружен, чтобы искать подвох. Меня даже не волнует, кто он и как его зовут, и я, наконец-то, теряю сознание.

Открыть глаза оказывается труднее, чем я ожидаю, а яркий свет словно выжигает мои веки изнутри. Я вспоминаю, что случилось накануне и понимаю, что нужно как можно скорее выбраться отсюда, и мне, наконец, удается открыть глаза и сфокусировать взгляд.

Я лежу на огромной кровати в большой, невероятно роскошной комнате. Темные деревянные панели на стенах, бархатные шторы зеленого цвета, теплое, словно лестной мох, открыты настежь, а солнце настолько яркое и далекое, что кажется ненастоящим.

Я с трудом сажусь на постели и оглядываюсь. Огромное зеркало в бронзовой раме, еще более огромный шкаф, небольшая софа того же оттенка, что и шторы. Провожу ладонями по бархатному покрывалу, оно на пару тонов темнее, чем софа и шторы, а потом меня осеняет: голые плечи, тонкие бретельки. Я одета в бледно-зеленую атласную ночную рубашку. Что за чертовщина?

Я окидываю взглядом комнату, но из моей одежды осталась только кожаная куртка, висящая на стуле возле окна. Провожу рукой по волосам, рассыпанным у меня по плечам, и понимаю, кто-то вымыл и распустил их, ведь мой шампунь так не пахнет. Меня передергивает. Кто-то раздел меня, помыл, заново одел и уложил в постель. Это кошмарно и абсолютно отвратительно. Я вполне в состоянии сделать все это сама, правда, не на тот момент, но все же.

Если верить солнцу, уже за полдень, и я проспала больше двенадцати часов, потому что энергия волн бьет во мне ключом, а после подобной пытки быстрее я бы не восстановилась. Нужно отсюда выбираться. Копье, надеюсь, до сих в куртке, но не могу же я бежать в ночной рубашке, тем более, без обуви. Пока я лихорадочно пытаюсь хоть что-нибудь придумать, открывается дверь и входит парень, на руках у которого я вчера выключилась.

Рывком натянув одеяло до подбородка, я смотрю, как следом за ним заходит девушка с короткой стрижкой, в сером платье и подносом в руках. Опустив голову, она ставит поднос на прикроватную тумбочку и выходит, тихо прикрыв дверь, а я перевожу взгляд на парня. От его пронзительного взгляда у меня по коже бегут мурашки, но его лицо ровным счетом ничего не выражает, словно не лицо, а маска.

Кажется, я знаю, что сейчас будет, пока с пытками покончено. Сейчас он будет изображать из себя добренького и утверждать, что их так называемое руководство понятия не имело, что происходило.

– Ну, вот ты и проснулась.

Его голос мягче, чем в прошлый раз, но это неудивительно, если учитывать, как он буквально клокотал от ярости, наверняка в прошлом стал бы хорошим актером. Я не отвечаю,

потому что он и не ждет ответа. Вместо этого он подходит к окну, берет стул с висящей на нем курткой и садится у кровати. – Как тебя зовут?

Странно. Зачем ему это знать? Хотя, наверное, так тебя и заставляют поверить, что ты в безопасности. Парень хмурится и вглядывается в мое лицо.

– Ты меня слышишь? Моника сказала, ты в полном порядке. – я вздрагиваю от звука ее имени, а воспоминания оживают в памяти. Слишком яркие, слишком болезненные. Он поднимается со стула и говорит тихим, вкрадчивым голосом, как с душевнобольной. – Если ты меня слышишь, то не волнуйся, все хорошо, я просто выйду на минуту и приведу Моника, чтобы она все исправила.

– Нет! Стой! – уж если и есть кто-то в этом месте, кого я не хочу видеть больше, чем остальных, так это Моника, поэтому, как бы я не старалась, в голосе слышатся панические нотки. – Не приводи ее, не надо.

Он оценивающе смотрит на меня, словно пытаюсь решить в уме какую-то сложную задачу, но садиться обратно.

– Говорить можешь, это хорошо. Как тебя зовут?

Я сглатываю и отвечаю:

– Изабель. – голос тише, и я замечаю, какой он грубый.

– Изабель? – удивленно спрашивает он, и я киваю, а он повторяет, кивая. – Изабель.

Потом бросает взгляд на тумбочку и извиняется, по его словам, он и думать забыл о том, что я голодна. Покосившись на тумбочку, я вижу поднос с завтраком, и чувствую, что и в самом деле проголодалась. Парень встает и направляется к двери, но останавливается, когда слышит мой голос.

– Могу я получить обратно мою одежду?

Он удивленно оборачивается и говорит:

– Не думаю, что это необходимо.

– Я не могу остаться в этом. – с отвращением говорю я, имея в виду дурацкую ночную рубашку.

– В шкафу полно одежды. Поговорим позже.

Он уходит, а я беру с подноса стакан с апельсиновым соком и быстро его выпиваю. Выбираюсь из кровати, но не чувствую никакой боли, что странно. Даже синяков на коленях нет, а я неоднократно падала. Наверняка, целительница. Только зачем тратить силы на какую-то пленницу? Как-то не вписывается в описание Сэма, да, заставить поверить, но лечить? Ничего не понимаю.

Подойдя к шкафу, я открываю его и присвистываю: никогда не видела столько платьев в одном месте. Сказать, что я не люблю платья, я не могу, возможно, в другой жизни, где нет нужды сражаться и убегать, спасая собственную жизнь, я бы их и носила. Но эта жизнь – все, что у меня есть, а в платье и на каблуках тут долго не протянешь, поэтому, следуя соображениям практичности, я нахожу джинсы, которые должны на меня налезть и черную футболку с длинными рукавами, что не так-то просто, потому что в основном одежда маленькая, как будто ее готовили для девочки лет четырнадцати. Впрочем, может так оно и есть.

Только натягивая футболку, я замечаю, что на мне нет медальона, и тихо выругиваюсь. Пару секунд я пытаюсь сообразить, куда он делся, но прихожу к выводу, что его просто забрали, а следом задаюсь вопросом, кому он мог понадобиться. Решив действовать по ситуации, я выдвигаю нижний ящик в поисках обуви, но вижу только босоножки и туфли на каблуках. Когда я уже отчаиваюсь хоть что-то найти, у дальней стенки мелькают высокие коричневые сапоги на плоской подошве со шнуровкой, и я только надеюсь, что они не окажутся малы.

Сев обратно на кровать, я смотрю на принесенный поднос с классическим завтраком: яичница с беконом, хлеб, масло и джем. Правда, о классических завтраках я знаю исключительно из книг, но привередничать не собираюсь. Съев все, жалею, что сразу выпила сок,

потому что пить хочется еще больше, а потом вспоминаю про дверь, которую заметила раньше. Едва я захожу, как у меня буквально отваливается челюсть. Абсолютно белоснежная ванная, огромная, по моим меркам, с душевой кабиной из мутного стекла, унитазом, раковиной, полочкой с зеркалом над ней и кучей места на полу. Тут даже спать можно при желании.

Подхожу к раковине и, ни на что, особо, не надеясь, открываю кран, но вода из него течет прозрачная и чистая. Не теряя времени, ловлю струю губами, зажав волосы в кулаке, чтобы не намочить, и, напившись, закручиваю ручку крана и вытираю губы тыльной стороной ладони, но не успеваю ни о чем подумать, как слышу свое имя.

– Ты здесь. – слегка наклоняя голову, произносит парень.

– А у меня есть выбор? – саркастически интересуюсь я.

– Конечно.

Я закатываю глаза и прохожу мимо него, чтобы взять куртку со стула, но останавливаюсь, услышав его голос.

– Да, Изабель, ты можешь уйти, если захочешь. – устало вздыхает он.

– Хочу, – обернувшись, говорю я. – но мне нужен мой медальон.

– Этот? – невинно спрашивает парень, вынимая его из кармана, но, как только я протягиваю руку, он уже спрятал его в кулаке.

– Чего ты хочешь? – начиная злиться, спрашиваю я.

– Поговорить.

– Я ничего не знаю о вашем драгоценном острове, так что, либо отпусти меня, либо убей.

– Я не собираюсь тебя убивать, Изабель.

– Ты, может быть, и нет. – фыркнув, отвечаю я.

– А кто я?

– Откуда я знаю? – раздражаюсь я – Об этом нужно спрашивать тебя.

Недоверчиво заглянув мне в глаза, парень говорит:

– Ты и правда не знаешь, кто я.

– Понятия не имею.

– Меня зовут Ник.

– И? – подняв брови, спрашиваю я.

Он ничего не говорит, только смотрит на меня этим своим пронизывающим взглядом, и тут меня осеняет. Ник, лидер «Вэрума».

– Не может быть. – недоверчиво говорю я. – Сколько тебе лет? Восемнадцать?

– Двадцать один. – невозмутимо отвечает он.

– Все равно мало. – я замолкаю, Ник тоже молчит, как будто ждет чего-то. – Ну, раз ты тут главный, отдай мне медальон и отпусти.

– Сначала нам нужно поговорить. – возражает он.

– Зачем?

Ник пожимает плечами.

– Хорошо, давай поговорим. – соглашаюсь я. – Только после этого ты отдашь мне медальон и отпустишь нас.

– Нас? – он изумленно вскидывает брови.

– Меня, Силен и остальных.

– Я не могу.

– Почему это?

– Потому что они уже сбежали. – морщиться он.

Сбежали. Значит, у Шэрон получилось.

– Все? Хреновый ты, однако, руководитель. – хмыкаю я, скрещивая руки на груди.

– Не все. Сначала я убил парочку. Чтобы заткнулись.

– Что с вами всеми не так? – хмурюсь я. – Убить кого-то ради веселья?

– Я никогда не убивал ради веселья, я убивал ради цели. – хладнокровно отвечает он. Покачав головой, я выбрасываю эти мысли из головы и почти требую:

– Отдай мне медальон.

– Изабель, я не идиот. Я не дам тебе оружие против себя.

– Оружие? – не понимаю я.

– Ты же не думаешь, что у меня нет людей, которые способны это понять? Я знаю, что твой дар заперт в медальоне.

– Значит, ты думаешь, что без него я абсолютно беззащитна? – быстро спрашиваю я.

– Я это знаю.

А еще утверждает, что не идиот. Похоже, мамин дар так и остался в нем даже после ее смерти.

Я протягиваю руку ладонью вверх:

– Верни мой медальон.

– Изабель, я верну его, но нам надо поговорить.

– Я не хочу с тобой разговаривать.

– Хватит упрямиться. – требует он.

– Отдай мой медальон. – медленно, чеканя каждое слово требую я в ответ.

– Нет.

– Прекрасно. Я хотела все сделать по-хорошему, но, видимо не получится.

– Изабель, послушай...

Но я не собираюсь его слушать. Я резко выбрасываю правую руку вперед, целя ему в живот, он уворачивается, но движется именно по той траектории, которая мне и нужна. Мой левый кулак врезается в его скулу, а правая рука хватается за волосы, Ник скрючивается, но на колени не падает.

– Пусти! Ты понятия не имеешь, что натворила!

– Да неужели? – язвительно интересуюсь я, сильнее потянув его за волосы.

– Отпусти, я не хочу тебе навредить.

Нехотя я отпускаю его, хотя могла бы и убить, но тогда мне точно отсюда не выбраться. К тому же, если он хочет верить, что без медальона я беззащитна, пусть так и будет. Как только Ник выпрямляется, я снова протягиваю руку.

– Можем мы поговорить, когда ты его получишь? – со вздохом спрашивает он.

– Я могу с легкостью забрать его сама. – фыркаю я.

Медальон ложится в мою протянутую ладонь, и, быстро повесив его на шею, я поворачиваюсь к двери.

– Изабель, пожалуйста.

Его голос звучит устало, я ему явно надоела. Тогда зачем просить, особенно если он может убить меня сию же секунду? Закрыв глаза, делаю глубокий вдох и, медленно повернувшись, смотрю ему в глаза. Они голубые, как небо в ясный зимний день. Не знаю, что на меня находит, но я говорю:

– Ладно, один разговор, и я свободна. Мне не придется драться, чтобы уйти.

– Хорошо. – быстро отвечает он.

– Хорошо.

– Изабель, нам надо многое обсудить. – говорит он через пару минут, которые промолчал, каждые пару секунд набирая в грудь воздух, но так и не сказав ни слова.

– Да ну?

– Да. – терпеливо отвечает он. – Я знаю, ну, по крайней мере, догадываюсь, что ты о нас думаешь, но позволь заметить, я ведь дал тебе то, чем ты можешь мне навредить, а больше здесь никого нет.

– Да ладно, – со стоном говорю я, – ты не мог стать «лидером» – пальцами рисую в воздухе кавычки. – только за длинный язык.

– Длинный язык? – приподняв брови, переспрашивает он. – И это все, что ты смогла придумать? Не красивые глаза или там, прекрасное тело?

– Как самоуверенно. Красивые? Прекрасное? – с насмешкой, подражая его тону, уточняю я. – Не для всех.

– Хватит шуток, у нас много дел. Ну, по крайней мере, у меня. – он замолкает, словно пытается найти правильные слова. – Изабель, мы хотим, чтобы ты... нет, я хочу, чтобы ты присоединилась к нам.

Вот к этому все и шло. Именно для этого и нужна была демонстрация роскоши: «Смотри, у нас все есть! Будешь с нами, будет и у тебя.»

– Зачем?

Ник дурашливо морщит лоб и трет подбородок.

– Ну, ты слишком хорошо выглядишь, чтобы тебя отпустить.

– Сам сказал, без шуток. – напоминаю я. – В мире полно куда более сговорчивых донориумов. Моника, например.

– Может, дело не только в силе? Может, оно именно в твоём непоколебимом упрямстве? К тому же, Моника очень ценна и полезна в этом замке, но снаружи от нее не так уж много толку.

– Почему это? А по поводу упрямства, неужели вам, неуважаемый лидер, нравится, когда ваши приказы отказываются выполнять?

– Потому что, – скорбно произносит он. – она может воздействовать только на одного человека, но мы над этим работаем. А приказы можно просто выполнять.

– Я не стану делать нечто вроде вчерашнего. – передернув плечами, сообщаю ему я.

– И не нужно, Моника сама неплохо справится.

– Ну и зачем ей тогда Уильям? – насмешливо спрашиваю я, хотя мне действительно важно это знать.

– О, все предельно просто: он чувствует, когда ему лгут, что делает пытки гораздо более эффективными.

Вот как он понял, что я ему лгала. Он не умен, он просто знал, что я лгу. Стараясь скрыть удивление и досаду, я отворачиваюсь и сажусь на кровать, а Ник устраивается на стуле напротив.

– И зачем нужна я? Для полномасштабного уничтожения?

– Как грубо, – отзывается он. – но и такое может пригодиться. К тому же, что-то мне подсказывает, что то, где ты сейчас – далеко не предел.

– Приятно слышать. – хмыкаю я.

– Ну, а с твоей подругой, (Силен, верно?) ты просто незаменима. Вы две изрядно попортили мои хауберды.

Я думаю о том, чтобы издевательски извиниться, но рот работает быстрее мозга.

– Силен? Что ты... – я обрываю себя так быстро, как могу, но этого явно недостаточно

– Интересно? – Ник подается вперед, заглядывая мне в глаза, и я зажмуриваюсь, приказываю себе успокоиться, но произношу не так спокойно, как мне хотелось бы:

– Где она?

– В безопасности. Пока ты здесь.

– Я хочу ее видеть.

– Извини, но это невозможно. Она сейчас немного занята.

– Чем же?

– Объясняет нам, где остров.

– Что ты с ней сделал? – я стискиваю челюсть, стараясь не заорать.

– Я? Ничего. Но сказать то же о Монике не могу. – так, словно она вышла выпить чашку чая, говорит он.

Не знаю, что именно так меня взбесило, но мысль о том, что Моника пытается Силен заставляет меня действовать. Я сама не замечаю, как в моей руке оказывается нож для масла, я даже не помнила, что он там был. Так быстро, как только могу, подношу нож к горлу Ника, но он не шевелится и страха явно не испытывает, наоборот, в его глазах светится удовлетворение, как будто он ждал чего-то подобного. Но как? Даже я не знаю, зачем я это делаю. Ведь Силен мне никто, но при одной только мысли, что Моника добралась до нее, а Ник это допустил, мне хочется перерезать ему горло.

– Успокойся. – требует он.

– Ты сейчас же отведешь меня к ней и дашь нам уйти, или в этом чертовом месте не останется никого, кем бы ты мог командовать. Да и командовать будет некому. —сквозь зубы говорю я.

– Ты убьешь и себя, и ее? – недоверчиво спрашивает он.

– Если это то, что я должна сделать, чтобы избавиться от вас, да. – отвечаю я с уверенностью, которой не ощущаю.

– Наверное, мне никогда не понять, как работает твоя логика.

– Поведешь сам или придется заставить?

– Ты уверена, что сможешь?

Я смеюсь ему в лицо.

– Не знаю, что можешь ты, но я уверена, что я сильнее.

– Ну, раз ты так уверена, как я могу это игнорировать? Идем.

Я снимаю со спинки куртку и с облегчением нахожу копьё. А еще утверждают, что не идиоты. Не оглядываясь, Ник выходит из комнаты, и я слеую за ним.

Он ведет меня по бесконечным коридорам с огромным количеством дверей и поворотов, и, хотя сначала я пытаюсь запомнить их, понимаю, что запуталась, уже после восьмого. Затем мы спускаемся по лестнице и выходим к очередной веренице дверей.

Пройдя до конца коридора, Ник открывает одну из них, и я осознаю, что никогда не встречала людей, настолько непохожих друг на друга. С одной стороны Моника: бледная, спокойная, не выражающая интереса к миру со своими длинными ухоженными волосами, а с другой Силен, привязанная к деревянному креслу, злая, с раскрасневшимися щеками и карими глазами, метаящими молнии. Моника, кажется, пытается ее давно, а Силен знает об острове гораздо больше меня, но она полна какой-то внутренней силы, которая придает ей красоты даже в таком измученном состоянии.

Они замечают нас одновременно, и, хотя выражение лица Моника меняется, его невозможно разгадать. Впрочем, она меня не волнует. Когда Силен замечает меня, в ее глазах появляется ужас, она открывает рот, но Ник ее опережает:

– Вот твоя драгоценная Силен. Можем мы вернуться к нашему разговору?

Я перевожу взгляд с нее на него и буквально задыхаюсь от гнева.

– И ты думаешь, я буду с тобой разговаривать?

– Ты меня поражаешь. – подняв брови, он качает головой. – Моника занималась тобой дольше, но ты не злилась так, как сейчас.

– Может, это потому, что я была не в состоянии злиться? – ядовито интересуюсь я и, не дожидаясь разрешения, подхожу к Силен и начинаю расстегивать ремни, которыми стянуты ее руки.

– Что ты делаешь? – едва слышно шепчет она.

– Спасая наши задницы. – так же тихо отвечаю я.

– Что, позволь спросить, ты делаешь? – раздается за моей спиной голос Ника.

– Убираюсь отсюда к чертовой матери. – сквозь зубы отвечаю я.

– Но мы не договорили. – возражает он.

Я отвязала только левую руку Силен, но резко поворачиваюсь к нему.

– Ты хочешь получить ответ? Вот он: я не собираюсь присоединяться к вам. И мне плевать, на что вы способны, я с легкостью дам вам фору.

– Вчера ты так не говорила. – безразлично отвечает она.

– Конечно, ведь ты позаботилась о своей безопасности, – я мило улыбаюсь. – сначала удостоверилась, что я выбилась из сил. Один на один ты и минуты не протянешь.

Моника открывает рот, но Ник поднимает руку, заставляя ее замолчать.

– С чего ты взяла, что ты сможешь отсюда уйти? Еще и не одна.

– Я тебя предупреждала.

– Ты не убьешь ее. – фыркает он.

– Хочешь проверить? Может быть, кто-то на воротах и выживет, вы двое – нет.

Ник качает головой, а я говорю:

– Уговор есть уговор, Ник, – он изменяется в лице, но я продолжаю. – и я свою часть сделки выполнила. Будь добр, сделай то же самое.

Он смотрит сначала на меня, потом на Силен, словно пытаюсь решить, приведу ли я в действие свою угрозу, и оборачивается к Монике:

– Проводи нашу дорогую Изабель и ее подружку к воротам, – Моника безразлично кивает. – и удостоверься, что они выйдут, и никто за ними не последует.

После этого Ник, не говоря ни слова, уходит, а я поворачиваюсь обратно к Силен и развязываю ее вторую руку. Лицо Силен уже не такое красное, да и дыхание нормальное, и я решаю, что это хороший знак, но, когда она встает, ее ноги подкашиваются. Я подставляю ей плечо, и мы идем вслед за Моникой.

Нас снова ожидает лабиринт дверей и коридоров. Когда мы, наконец, выходим из замка, я замечаю что-то вроде тренировочной площадки, но Моника тут же заводит нас в какой-то тоннель, и единственный, кого я успеваю разглядеть, это тощий парень, рука которого растягивается на несколько метров, когда он тянется к пистолету.

Тоннель выводит нас к воротам, и Моника поворачивается к нам с безразличным видом и говорит:

– Вы свободны.

Мы проходим сквозь них, а я оборачиваюсь через плечо, сама толком не понимая, зачем, и вижу, что лицо Моника освещает жестокая улыбка:

– Пока.

Замок находится на вершине холма, но с одной стороны крутой обрыв, так что нам приходится воспользоваться дорожкой от главного входа и несмотря на то, что отошли мы недалеко, у Силен нет сил двигаться дальше. У подножья холма растут деревья, и мы укрываемся в их тени, а небольшой ручей пробегает прямо рядом с нами, и мы умываемся, но пить не рискуем: в нашем мире даже ребенок знает, что пить воду из ручья равносильно самоубийству.

Солнце палит нещадно, и вода испаряется, даже не успевая принести коже хоть какое-то облегчение. Куртку я уже давно повязала на поясе, и рукава закатала, но спина все равно взмокла, а сапоги, показавшиеся мне отличной находкой, теперь стали проклятьем.

Силен одета в то же, что и на острове – джинсы и футболка, но ей гораздо хуже, чем мне. Организм не успел восстановиться, и как бы ни старалась Силен делать вид, что с ней все хорошо, очевидно, что далеко мы не уйдем, а на ночь нужно будет где-то остановиться.

– Надо отсюда выбираться. – говорит она.

– Знаю, но далеко мы не уйдем.

– Я не уйду. – поправляет она.

А я повторяю:

– Мы не уйдем.

Мы молчим, а я поднимаю голову и, посмотрев на солнце, говорю:

– Надо бы найти, где остановиться, до заката всего пара часов.

– Нам надо вернуться. Они найдут нас, если все еще ищут.

– Гаррисон?

– Придется открыться. – кивает она. – Мало приятного, но это наш единственный шанс.

Мне интересно, из-за чего ей это так неприятно, но это не мое дело, поэтому я тоже киваю.

– Мы же не сможем найти их сами?

В ответ Силен невесело смеется и качает головой.

– Нам все равно надо двигаться, потому что не знаю, как ты, а я не верю этому типу.

– Я тоже. – соглашаюсь я, хотя почему-то уверена, что погони не будет.

– Спасибо, что вернулась за мной, Изабель.

– Ты того стоишь.

Стоит нам отойти от холма, как по правую руку появляется скалистый пляж, и мы движемся вдоль него, а когда начинает темнеть, замечаем вдали пещеру. До темноты лучше места нам в любом случае не найти, но, чтобы добраться до нее, нужно взобраться по склону, и я не знаю, хватит ли у Силен сил.

Мы замечаем хауберд только на полпути к пещере и, не зная, кто там, срываемся на бег, надеясь укрыться в пещере, потому что еще недостаточно стемнело, чтобы можно было спрятаться за камнями. Не знаю, откуда Силен берет силы, но бежим мы наравне.

Оказавшись внутри, мы переводим дух и прислушиваемся, и через секунду я улавливаю звук текущей воды. В пещере темно, поэтому, только касаясь пальцами стены, двигаюсь на звук, где в углублении скалы стекается вода. Никакого запаха у нее нет, так что, скорее всего это вода, а мне так сильно хочется пить, поэтому я уже готова наплевать на запрет, который вдалбливали мне в голову с того момента, как я научилась ходить. Но стоит мне опустить руки в воду, как я слышу приглушенный полукрик-полувсхлип.

Я бросаюсь обратно, а Силен, наоборот, заходит вглубь, и мы талкиваемся. Вцепившись друг другу в руки, мы пятимся назад, а темноте на фоне входа в пещеру я различаю приближающийся к нам силуэт, и тишину нарушает уже ставший знакомым голос:

– Силен? Изабель? Вы тут?

Я слышу прерывистый вздох Силен, а потом она бросается к Итону.

– Они здесь! Они живы! – во всю глотку орет он, прижимая Силен к себе.

У входа появляется еще один неясный силуэт и меня зовет его хриплый голос:

– Иззи?

– Сэм? – его имя само срывается с губ.

– Из, где ты? Я тебя не вижу. – жалуется он.

Яркий свет ослепляет меня, но я слышу ворчание и понимаю, что ослепили не только меня и, когда глаза привыкают к свету, вижу улыбающееся лицо всего в паре шагов от меня. Девчушка, на вид ей не больше тринадцати, держит в руках огненный шар, который отбрасывает ей на лицо причудливые тени, а Сэм кидается было ко мне и сжимает в стальных объятьях, но я практически тут же отталкиваю его и он понуро меня отпускает.

– Эй, большая девочка, ты там?

Это, должно быть, Мишель. Кто еще бы стал называть меня большой девочкой?

– Ага, все еще тут. – откликаюсь я, но мой голос тонет в звуке грома, который раздается в пещере громче, чем снаружи, и за громом следует барабан капель.

– Хорошо. – отвечает он, каким-то образом услышав мой ответ. – Прости, что подвел. Меня что-то словно вырубало, как будто дисаблом швырнули, хотя нет, хуже. Тогда ты просто ничего не можешь, а тут какие-то толчки. – его голос звучит так искренне, что у меня просто не получается на него злиться.

– Все нормально. Иначе я бы не встретила Силен.

Лицо Ника возникает у меня перед глазами: они могли заметить хауберд, но сейчас вылететь тоже не смогут, так что я быстро отгоняю эти мысли. Вдруг ко мне подсакивает Итон, хватая в охапку и кружит, я слышу, как он бормочет: «спасибо», и прошу его отпустить меня, ссылаясь на боль в ребрах. На деле мне просто неприятны чужие прикосновения, но не могу же я это сказать парню, который мне так благодарен и обнимает без задней мысли.

Но всеобщая радость длится недолго, ведь до всех доходит, что из-за ливня и грозы мы тут застряли, и девочка опускает огненный шар на пол пещеры, который начинает давать тепло, и все садятся вокруг, а я натягиваю куртку, поеживаясь от холода. Вскоре Силен озвучивает мои мысли:

– У вас же нет с собой воды? – она сидит, опираясь на плечо Итона, а я почти забыла, как туго ей пришлось, из-за того, как отлично она держалась весь день.

– Нет, только на хауберде.

– Здесь есть вода, но я не знаю, стоит ли ее пить. – говорю я.

– Не стоит. – отвечает мне Мишель.

Итон выглядит обеспокоенным, но Силен успокаивает его и устраивается поудобнее, закрывая глаза. Я сижу между Мишелем и Эмили, девочкой, контролирующей наш миникостер, и почему-то чувствую сильную усталость, словно не провела прошлую ночь в роскошной постели. Подумав о том, что можно было бы прилечь, я оборачиваюсь, но пол пещеры жесткий и холодный, сидеть на нем и то неприятно, не то, что лечь.

Если бы Сэм не предал меня, я бы прилегла к нему на колени, думаю я, ловя взгляд Мишеля, а потом меня осеняет мысль. Мишель кажется таким родным, что я, не давая себе времени подумать, кладу голову ему на плечо, и он слегка поворачивается, чтобы мне стало удобнее. Я тихо шепчу:

– Было очень приятно чувствовать себя защищенной. Спасибо.

Не знаю почему, но мне вспоминается, как в детстве мама рассказывала мне, что раньше на Земле было очень много языков, а моей любимой сказкой на ночь была история о людях, строящих башню до небес, но так и не закончивших ее, из-за того, что они вдруг обнаружили, что говорят на разных языках и не могут понять друг друга. Мне до сих пор интересно, каково это.

После того, как образовался наш материк, а все остальные затонули, люди, еще обладающие какой-то властью, решили, что будет проще пользоваться одним языком, и, благодаря тому, что большинство говорило по-английски, пусть не идеально, но хоть как-то, выбрали именно его. Для моей мамы английский стал родным языком, но дедушка научил ее говорить и по-русски, а она, в свою очередь, обещала научить меня, когда я немного подрасту, но не успела.

Не в силах отогнать эти мрачные мысли и проваливаясь в сон, я слышу тихий голос Мишеля, отвечающего мне: «Всегда пожалуйста»

Просыпаюсь я от шепота Мишеля и потягиваюсь, вслед за всеми покидая пещеру. Дождь кончился, но камни еще мокрые, и, если бы не Мишель, я бы упала, как минимум, трижды, удивительно, что Силен смогла пробежать эту дистанцию. Лунный свет красиво отражается на мокрых камнях, но, кажется, кроме меня эта красота никого не волнует: слишком велико облегчение. Силен все очень любят, и даже я вижу, что ее просто невозможно не любить.

Когда мы подходим к хауберду, Гаррисон и какой-то незнакомый парень выпрыгивают из него нам навстречу, и Гаррисон подбегает к Силен, обняв ее, но она тут же требует ее отпу-

стить. Лицо Гаррисона вытягивается, но он послушно отходит к Эмили, а Итон что-то говорит, но Силен поднимает руку в знак того, что с нее хватит и забирается в хауберд. Я следую за ней, и, когда все внутри, мы наконец-то улетаем.

По прибытию на остров Элис сразу же отсылает Силен отдыхать, но хочет поговорить со мной. Я рассказываю ей произошедшее, упуская лишь странные детали разговора с Ником.

– Удивительно, что он вас отпустил, но я рада, что ты не приняла его приглашения. – прищелкнув языком, говорит она и, заметив, как я пытаюсь подавить зевок, отпускает и меня.

Едва перебирая ногами и удивляясь, откуда взялась эта усталость, я бреду к дому, но замечаю, что навстречу мне идут Джон с Мишелем. Мишель явно что-то втолковывает Джону, но мне не кажется, что он говорит с ним, как с ребенком. Впрочем, Джон и не ребенок, это я его так воспринимаю. Для своих пятнадцати лет он очень высокий, ниже меня всего на пол головы, а я никогда не была коротышкой, даже громаде Мишелю я выше плеча. Пусть мне это и не по душе, но Джон вырос.

Когда мы уже подошли друг другу, Мишель кивает Джону и говорит мне:

– Уверен, этот молодой человек хочет тебе кое-то сказать.

Джон не выглядит, как человек, желающий что-то сказать, и я бросаю на Мишеля вопрошительный взгляд, но его лицо ничего не выражает, а вот Джон явно нервничает. Я приобнимаю его за плечи и бодро начинаю:

– Ну, что стряслось?

Мишель бросает на Джона странный взгляд и уходит, а Джона словно прорывает:

– Иззи, я не виноват, надеюсь, ты это поймешь.

Такой ответ меня не на шутку пугает. Что он натворил?

– Скажи мне. – мягко прошу я. – Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все, что угодно.

Джон кивает и, набрав в грудь воздуха, продолжает оправдываться, еще больше пугая меня:

– Оно само получилось, я этого не хотел.

– Джон, что случилось?

– Я тоже донариум. – выпаливает он.

От облегчения мне хочется смеяться, но Джону явно не до шуток, он до смерти боялся мне это сообщить. Я обнимаю его, но ничего не говорю, просто потому, что не знаю, что сказать.

– Ты не злишься? – недоумевает он.

– Что? Конечно, нет. С чего бы?

– Но я всегда думал, что это плохо – быть донариумом.

– Кто тебе это сказал? – спрашиваю я, уже заранее зная ответ.

– Дядя Гордон.

– Кто же еще. Джон, послушай, нет ничего плохого в том, чтобы быть донариумом, дело ведь не в том, обладаешь ли ты чем-то особенным или нет. А в том, как ты это используешь. Можно быть обычным человеком и убивать людей, а можно быть донариумом и спасти других. – сама от себя не ожидала такой отповеди, но Джону это нужно, а значит, он это получит. – Посмотри вокруг. Почти все эти люди – донариумы. Можешь сказать о них что-нибудь достаточно плохое? – Джон качает головой, внимательно меня слушая. – Мама ведь тоже была донариумом. – тихо добавляю я. Об этом я никогда ему не говорила, вообще, говорить о родителях я не люблю – такая рана не заживает.

– Знаю. Дядя сказал, из-за этого маму с папой и убили.

– Сукин сын. – бормочу я. При следующей встрече он у меня попляшет. – Это не так, их убили не из-за этого. И не из-за нас. – мне тошно от того, как легко дается мне эта ложь. – Это было из-за денег, а они просто не смогли защититься.

Джон кивает, но все еще не выглядит убежденным. Понятия не имею, что ему наговорил Гордон, но он за это ответит.

– Джон, я ведь тоже донариум. – говорю я, но понимаю, что плохо подхожу в качестве примера, и добавляю, не особенно задумываясь, почему привожу в пример практически незнакомца. – А Мишель? Разве его дар плохой?

– Нет. – качает головой Джон.

– Стой, а откуда ты его знаешь? – опоминаюсь я.

– Он объяснял мне, почему ты не вернулась со всеми.

Мне становится стыдно. Я была так сосредоточена на задаче спасения своей жизни и жизни Силен, что совсем забыла про брата, который наверняка ждал меня, но так и не дождался.

– Я не могла вернуться без Силен.

– Знаю, он так и сказал.

Понять я ничего не могу, но рада тому, что Мишель догадался успокоить Джона. А может, и правда верил, что я вернусь вместе с Силен? Хотя, давать ложную надежду глупо. Заглянув Джону в глаза, я понимаю, что можно уже задать вопрос, который волновал меня почти с самого начала:

– Что ты умеешь?

– Я не уверен, но, кажется, я могу показывать людям то, чего нет. Вроде иллюзиониста. – он замолкает, потом добавляет. – Это не так круто, как твои волны, и не так полезно, как щит, но лучше, чем возможность убивать одним прикосновением.

– Правда. – киваю я. – И это чертовски круто. Можешь мне что-нибудь показать?

– Не думаю, я еще не умею это контролировать.

– Точно, прости, почти забыла, каково это.

– Завидую. – вздыхает он.

– Ой, да ладно. – я со смехом треплю его по голове. – Здесь полно людей, которые помогут тебе научиться. И потом, ты старше, чем была я.

– Ты права. – улыбается он и вдруг его лицо приобретает виноватое выражение. – Ох, Из, ты наверное сильно устала, прости. Иди, поспи.

– Я в порядке, только жутко голодная. Пообещай мне, что как только научишься, покажешь мне что-нибудь действительно хорошее.

– Конечно.

Он улыбается той самой улыбкой, ради которой я готова все, и я еще раз обнимаю его и снова направляюсь к дому. Уже светает, так что поспать не помешает, как, впрочем, и поесть.

Пока я дохожу до дома, встречаю четверых людей, которые хотят меня поблагодарить, а около дома стоит целая толпа. При виде меня они замолкают, и мне кажется, они ждут меня. Когда я уже готова повернуть назад и дать деру, дверь открывается и навстречу мне выходит Силен, она переделалась, а волосы еще влажные после душа, и решительным шагом направляется ко мне, схватив за руку, ведет в дом. Как только за нами закрывается дверь, она говорит:

– Им, наверное, кто-то разболтал, как ты тут всех чуть не поубивала, пока Элис не согласилась за нами ехать. Так что извини, они жутко благодарны.

– Ясно. – только и говорю я.

– Да, Итону уже влетело. – она мне подмигивает и тащит в какую-то комнату, которая оказывается кухней. – Завтрак готов, спасибо Кайле. Или ужин. – чуть нахмурившись, как будто соображая, добавляет она и смеется. – Как угодно.

– Как угодно, – смеюсь я в ответ и, заметив незнакомую рыжеволосую девушку, которая нам широко улыбается, добавляю. – спасибо.

Спагетти пахнут восхитительно, а за овощную подливку я почти готова убить. Мне оставили место между Сэмом и Мишелем, и я падаю на стул. Мне даже в голову не приходит возмущаться, когда Сэм подает мне тарелку.

– Ну наконец-то. – ворчит Итон и принимается за еду. Значит, ждали меня.

– Ну, как там твой брат?

– Лучше, – говорю я и отпиваю сладкого чая из большой кружки.

– А кто сказал ему, что быть донором паршиво? – интересуется Мишель. Кажется, его это задело.

– Наш тупой дядя, и это еще даже не все. Нас ждет долгий разговор, когда я его навещу.

– Кого-то ждет плохой день. – смеется Итон.

– Я в этом удостоверюсь. – смеюсь я в ответ, а потом поворачиваюсь к Мишелю. – Кстати, зачем ты ему врал?

– Врал? – не понимает он.

– Ты не мог знать, что я вернусь. – поясняю я. – Я с легкостью могла быть мертва.

– Ты сейчас возмущаешься из-за того, что я успокаивал твоего младшего брата?

– Не этому. Тому, как плохо он чувствовал бы себя, если бы мы не вернулись.

– Но вы вернулись. – возражает он.

– В следующий раз говори ему правду. – помолчав, я добавляю. – Пожалуйста. Потому что иначе будет еще больнее, а обнаружить, что тот, кого ты считал мертвым, жив – непередаваемое счастье.

Я замечаю, как голова Сэма резко дергается в мою сторону, но он снова утыкается в тарелку. Пожав плечами, Мишель соглашается, но вроде как бормочет себе под нос: «Женщины» так, словно говоря: «Идиотки».

На следующее утро меня будит Силен. Они хотят отправить кого-нибудь в мою квартиру за вещами, но не знают адреса, а когда я говорю, что вполне справлюсь сама, Силен возражает, что мне небезопасно уходить с острова. Лишенная права голоса, я называю пилоту адрес и говорю, чтобы он не оставил небольшую коробку, спрятанную под кроватью, и, заметив его непонимающий взгляд, объясняю, что там очень важные вещи.

После завтрака Силен ведет меня на экскурсию по острову. Почти перед самым домом раскинулись палатки и негаснущие костры, прямо за ними – дуб. По правую сторону от дуба небольшая роща, за ней – земляной берег острова, там расположились грядки. Справа от дома – лужайка, на которую и приземлился хауберд, там берег зарос травой и цветами. Остальная часть острова – пляж, на его левой стороне стоят хауберды. Когда Элис не двигает остров с него можно купаться в океане.

По пути Силен рассказывает ту часть истории, в которой обошлось без меня. Она говорит быстро, просто выдавая факты, ничего не выражающим деревянным голосом. Всего через день, когда они попытались выбраться, и Райан протаранил охранника, принесшего воду, его застрелили. Еще через день убили парня, которого я не знала, когда он попросил дать бинты для раненой девушки. После этого все сидели тихо. Потом пришла Моника и спросила, кто из пленниц – моя подруга. Сначала все молчали, но, когда Моника начала пытать раненую девушку, Силен сообщила, что им нужна она.

Тогда ее отвели в комнату, в которую меня позже привел Ник. Там ее пытали, пытались узнать что-нибудь обо мне и острове, но обо мне Силен просто ничего не знала, а об острове говорить не собиралась. Когда пришли мы, Моника только вернулась, оставив Силен привязанной к стулу на несколько часов. Она не успела долго над ней измываться, всего пара серий, о которых Силен говорит так, словно они ничего не значат, но я прекрасно знаю, чего стоит пара таких серий.

Оказывается, что Шэрон телепортировалась обратно на хауберд, прихватила Мишеля и снова вернулась в комнату к пленным, но когда она перенесла всех, у нее просто не осталось сил вернуться за мной. Впрочем, к тому моменту они меня уже бы не нашли. Сейчас Шэрон в Лигнуме, залечивает рану: нож проник глубоко и задел нервы.

Когда она заканчивает, я рассказываю Силен то же, что и Элис, только без утайки. Она меня выслушивает, но объяснить поведение Ника, как и я, не может. Мы сходимся на мысли, что нам просто чертовски повезло.

Глава 5

Следующие дни мы проводим на острове, занимаясь повседневной рутинной. Львиную долю времени я уделяю Джону, и, когда он тренируется, я либо сижу рядом, либо разыскиваю Силен или Мишеля, а Сэма по-прежнему стараюсь избегать. Я отчасти понимаю, почему он так поступил, но понимание не уменьшает боли. К тому же компания Силен и Мишеля оказывается очень приятной. Я словно знала их всю жизнь, и, не знаю, как, но за несколько дней мы становимся друзьями, и я чувствую, что могу им доверять.

На острове Мишель обычно слоняется без дела, ссылаясь на то, что у него заслуженный отпуск. Силен же по большей части делится со мной небольшими, но очень полезными на острове порциями знаний: душ остается горячим не больше 15 минут, потому что системы водоснабжения нет, и морскую воду очищает и греет какой-то парень, имени которого я не запоминаю, овощи тут растут благодаря Элис, например, урожай картошки собирают по 5—6 раз в год. И много всего тому подобного.

Мои вещи привезли уже давно, но я не хочу их разбирать, потому что здесь, на острове, я чувствую себя так, словно у меня нет прошлого, словно эта Изабель – уже не та, что была раньше, когда раз в месяц, а то и чаще, меняла квартиры и никому не доверяла, шарахаясь от каждой тени. Я периодически залезаю только в одну из трех коробок с одеждой, где лежат футболки и джинсы, остальное же оставляю нетронутым. Впрочем, долго так продолжаться все равно не может, вдобавок я понимаю, что прятаться от собственных вещей глупо. Тем более, надо проверить, не забыл ли пилот чего-нибудь необходимого. Поэтому я заставляю себя подняться наверх и разобрать вещи. Точнее, просто просмотреть их, потому что перекладывать мне их все равно некуда.

Вся одежда на месте, даже зимние ботинки и короткая дубленка, из обуви тоже взято почти все, кроме старых шлепанцев, которые мне, в принципе и не нужны. А этот пилот умный мальчик, и полотенца захватил. Моя небольшая коробочка тоже на месте, лежит в коробке с тем, что пилот нашел на моей кухне: печенье, крекеры, кукурузные хлопья, пара пачек риса и консервированные овощи, но ее я решаю не открывать. Вытащив ее, кладу коробочку с продуктами на стол, чтобы отнести на кухню.

Осталось всего одна коробочка, и там могли забыть многое. На самом верху лежит косметичка с резинками, шпильками и прочей мелочью вроде ножниц, она, как и всегда, была собрана. Ниже две бутылки шампуня и книги. «Всего один день», одна из моих самых любимых, «Грозовой перевал», который мне никак не хватает терпения дочитать и «Гордость и предубеждение». Эту книгу я люблю больше остальных еще и потому, что она мамина. Но она очень потрепана, будь переплет бумажным, давно бы развалилась. Пилоту просто не могло прийти в голову ее взять, учитывая то, что в день, когда я якобы поехала за Джоном, она лежала у меня под подушкой. Я вспоминаю, что запихнула ее под подушку при Сэме, наверное, он мог передать, чтобы книгу забрали, зная, как много она для меня значит. Следующими я достаю старые папины часы в кожаном мешочке, которые давно уже не идут. Они вообще лежали в шкафу за коробками с чаем, по которым трудно догадаться, что это чай. Найти их было просто невозможно. Если только не знаешь, где и что искать.

Подозрение перерастает в уверенность, и я оглядываюсь на коробки. Вещей у меня не так много, да и при каждом переезде я что-нибудь выбрасываю, потому что ходить несколько раз не хочется. Взято только то, что для меня важно и необходимо, даже если бы я поехала сама, взяла бы тот же самый набор. Оставила бы шлепки, порванные шорты и не стала бы брать кастрюли с тарелками, но обязательно бы взяла книги и зимние ботинки.

Сэм видел, как я собираю вещи тысячу раз. Он даже, бывало, напоминал про то, о чем я уже забыла. Пилот не мог собрать эти вещи так, даже если бы Сэм ему все это рассказал.

Пилот бы наверняка захватил будильник или небольшое зеркало, которое лежало на столе. Он мог подумать, что мне нужно одеяло или маленькая елочка, которая уже была в квартире, когда я туда перебралась. Сэм – нет. Сэм точно знал, что взять. И вещи мои собрал тоже он.

Мой разум почему-то отказывается реагировать, и, вместо раздумий, я кладу папины часы в карман, беру со стола коробку и направляюсь на кухню. Там никого, кроме Силен, заваривающей кофе, нет. Она предлагает и мне, но я отказываюсь, и, оставив коробку на кухонном шкафу, решаюсь спросить, так, для уверенности.

– А ты не знаешь, кто ездил за моими вещами?

– Догадалась? – не оборачиваясь, интересуется Силен так, словно я должна была понять все гораздо раньше.

– Что-то вроде того.

– Он надеялся, что ты не узнаешь. – замечает Силен.

– Ну, для человека с такой точностью собравшего мои вещи, это он зря.

Силен поворачивается ко мне, пожимает плечами и отпивает кофе. Я молчу, а в голове почему-то пусто. Ну и что с того, что он собрал мои вещи? Отчего мне так не по себе?

– Может, зря ты так с ним? – окинув меня задумчивым взглядом, спрашивает она.

– Ну нет.

– Дело твое. Я тут надумала научиться управлять хаубердом, сегодня мой первый урок, не хочешь тоже попробовать?

– Ну нет, – во второй раз отвечаю я столь же категорично. – это не просто плохая идея, это настоящее самоубийство.

– Как ни странно, Итон думает точно так же обо мне. – допивая кофе, Силен играет бровями поверх чашки, демонстрируя свое полное презрение к мнению Итона. Впрочем, упрекнуть мне ее не в чем.

Когда Силен уходит, я сразу жалею, что не приняла ее предложения, потому что мысли тут же занимает Сэм. Правильно ли я поступаю, избегая его? Может, я просто перегибаю палку? Желая избавиться от этих мыслей, я выхожу из дома, надеясь хоть чем-то себя занять, и вижу, как Джон снова тренируется у дуба. Брук, как и всегда, рядом, не сводит с него пристального взгляда. Она учит его контролю, но пока безуспешно. Стоит ему разозлиться, как все вокруг начинают видеть не самые приятные вещи (я испытала пауков, это было отвратительно), но если он старается показать что-то специально, то у него ничего не получается.

На этот раз я устраиваюсь подальше, в тени дуба Элис и, подтянув колени к груди, наблюдаю за тренировкой. Если подумать, то наблюдать было особо незачем, Джон только корчит рожи и сжимает кулаки, но больше заняться нечем: Силен занята, а где Мишель я не знаю. Ответ на этот вопрос у меня появляется через пару минут, когда я слышу за спиной голоса и, обернувшись, вижу Гаррисона и Мишеля.

– Как продвигается? – спрашивает Гаррисон.

– Как видишь, не особо. – отвечает за меня Мишель и направляется к Джону, а Гаррисон садится рядом со мной.

– Ты видела сегодня Силен? – спрашивает Гаррисон.

– Да, она должна быть рядом с хаубердами.

Он стискивает челюсть и кивает: «Ясно». Меня подмывает спросить, что же между ними происходит, но я молчу, потому что мне бы точно не понравилось, если бы кто-то стал выпытывать про мои отношения с Сэмом, к тому же, у меня не остается времени на то, чтобы спросить: едва подойдя к Джону, Мишель толкает его.

Я тут же вскакиваю на ноги, а Мишель, повернувшись, говорит:

– Дай ему хоть раз постоять за себя самому. – и снова толкает Джона.

Джон ошарашено смотрит на Мишеля, а тот продолжает его толкать. Мне странно на это смотреть, но что-то заставляет меня его послушаться. Еще через несколько толчков, от которых Джон отступает назад, Мишель замахивается, а я уже готова вмешаться, наплевав на то, что Джону, в принципе, ничего не угрожает, но вдруг замирает. Я бросаю взгляд на сосредоточенное лицо Джона, в ту же секунду раздается громкий визг Брук и восклицание Мишеля:

– О, пауки! Круто!

Джону, видимо, это не понравилось, потому что Мишель довольно добавляет:

– Огромная змея, уже лучше.

Так видения сменяют одно другое, но каждый раз комментарий Мишеля скорее довольный, чем напуганный. Только вскоре он хватается за голову и кричит:

– Стой! Стой! Джон, хватит.

Джон мгновенно расслабляется, но Мишель не сразу восстанавливает дыхание. Через минуту он хлопает Джона по плечу и хвалит:

– Молодец, малыш.

После этого дела у Джона идут куда лучше, а Мишель объясняет все просто – каждому нужен толчок. Я вспоминаю кровь на белом полу кухни и соглашаюсь. Каждому нужен толчок.

Еще несколько дней проходят, но я совсем не замечаю быстротечности времени: мне некогда. Днем я обычно с Джоном, вечером постоянные посиделки у костра со всеми, ложусь я поздно, встаю рано, потому что на острове почти никогда не бывает тихо. Честно говоря, я удивлена, что мне вообще удастся уснуть. В это утро мы с Силен, которая решила отдохнуть от хаубердов, валяемся на пляже, пытаюсь загорать. Купальников у нас нет, поэтому мы просто стягиваем футболки и в нижнем белье ложимся на песок.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, когда к нам, хитро улыбаясь, подходит Джон, а я нехотя сажусь.

– Иззи, у меня для тебя сюрприз.

– Что такое?

– Вы бы оделись. – смущенно предлагает он. Силен хохочет, но натягивает футболку, с интересом уставившись на Джона.

– Прекрати, – бурчу я. Они одинакового пожимают плечами.

– Ну, так что за сюрприз?

– Сейчас вернусь.

Спустя пару минут на пляже появляются Сэм, Мишель, Итон, Элис, Кайла и незнакомый мне парнишка лет четырнадцати, и становится понятно, почему он просил нас одеться.

– Помнишь, я обещал показать тебе что-нибудь хорошее, как только научусь? – начинает Джон, и я киваю. – Так вот, я решил показать это всем. Потому что это действительно хорошее.

Мы все киваем, подбадривая его, и Джон закрывает глаза, выдыхая. Сначала ничего не меняется, все тот же пляж, все то же море, потом на горизонте появляется какое-то пятнышко, которое постепенно увеличивается и превращается в лодку. В ней сидят мужчина и женщина, но как только я понимаю, кто они, я делаю судорожный вдох и пачусь назад. Лодка все ближе и ближе, а я замираю, отказываясь верить своим глазам. Когда она уже почти у берега, мужчина спрыгивает прямо в воду, помогает спуститься женщине, и они вдвоем идут к нам по колено в воде.

Мама и папа.

Это невозможно. Во мне борются отчаянное желание поверить и боль факта, что я видела их мертвыми. Пусть только маму, но я знала, что папы тоже больше нет. И сейчас знаю.

Папа делает шаг ко мне, и я отступаю. Черты его лица смазаны, но улыбка четкая и самая настоящая. Папина. Я в ужасе перевожу взгляд на маму, и, хотя ее лицо тоже расплывается, глаза четкие, такие же, как и у Джона. Они оба подступают ко мне, а я слышу свой собственный крик словно издавека, и, споткнувшись обо что-то, падаю. Мама протягивает ко мне руки, и я

уже почти готова сдаться и поверить, но видение исчезает. И я сижу на песке, уставившись на то место, где только что стояла мама.

Вдруг мир снова обретает четкость, и я вижу, как Сэм держит чуть ни плачущего Джона за плечи, Силен склонилась надо мной, а все остальные стоят в стороне. Я хватаю ртом воздух, как будто плача, но слез нет. Колени дрожат, и когда я пытаюсь подняться, сама толком не зная зачем, ноги подкашиваются. Я валюсь обратно на песок, обхватываю себя руками и снова смотрю на горизонт. Там ничего нет. И никогда не было. Совсем рядом раздается тихий вой, и только через пару секунд я понимаю, что вою я сама. Боль, которую я так усердно засовывала поглубже, накатывает на меня с новой силой и все почти так же, как после их смерти. Только сейчас нет тети Анабель, чтобы хоть как-то помочь мне справиться. Я чувствую: еще немного и я сломаюсь. Сломаюсь и уже никогда не смогу собрать кусочки того, что осталось от моего сердца.

– У нее шок. – говорит смутно знакомый голос. Кто это? Неважно.

Меня вдруг обнимают чьи-то сильные теплые руки, у тети Анабель руки совсем не такие. Они у нее всегда холодные, даже если она только что мыла посуду в горячей воде.

Меня ставят на ноги, лицом к морю, и я неотрывно смотрю туда, надеясь, что лодка появится вновь, но это невозможно. Лодки никогда не было, мамы с папой тоже уже нет. Меня разворачивают, а перед глазами мелькают цветные пятна.

– Изабель, посмотри на меня. – снова этот голос. Сэм? Нет. Не он. Тогда кто? – Изабель, ты меня слышишь? – Мне уже задавали этот вопрос, но не этот голос. Другой, бархатный. Меня об этом спрашивал Ник. А сейчас Мишель трясет меня за плечи. – Изабель?

Я смотрю на него, но ничего не отвечаю. Но я вижу его и узнаю, он это понимает и паническое выражение на его лице сменяется беспокойством.

– Я в порядке. – нет, совсем не в порядке, но при Джоне это говорить нельзя. Я пытаюсь повернуться, но руки Мишеля ничуть не мягче рук Сэма, когда он пытается меня остановить. – Я в порядке. – повторяю я уже не таким дрожащим голосом. – Мне нужно... нужно поговорить с Джоном.

– Не нужно. – качает головой Мишель, разворачивает меня и мягко подталкивает куда-то в сторону. – Идем.

Я позволяю ему себя увести. Меня все еще бьет крупная дрожь, а перед глазами все мелькает так, что ничего не разобрать, но Мишель сам меня куда-то ведет, обхватив за и плечи и тем самым не давая упасть. Я не задумываюсь о том, куда мы идем, я просто иду. Думать мне вообще не нужно, потому что, если я начну думать, тогда я начну вспоминать, а ничего хорошего из этого не выйдет.

Когда мы оказываемся в тени деревьев рощи, Мишель сажает меня на землю у ствола какого-то дерева, а сам садится напротив.

– Это были ваши родители?

Меня снова пронзает боль. Были. В прошедшем времени. Я сглатываю и киваю, а Мишель молчит. Наверное, не может понять, почему я так испугалась собственных родителей.

– Мне было девять, Джону пять. – начинаю я чужим голосом, – Я увидела, как какой-то мужчина убил мою маму. Потом убила его. – хриплый смех эхом отдается от деревьев, и, хотя мне совсем не весело, я ничего не могу с этим поделать. – Это был мой толчок. После этого дома я ни разу не была, забрала Джона из школы, и мы оказались у дяди Гордона.

Мишель не отвечает, он встает с места, садится рядом со мной и обнимает. Не знаю, как и почему, но мне становится легче.

– Поплачь, Иззи. – шепчет он.

– Не могу. Я никогда не плачу. Ну, с того самого дня.

Я чувствую затылком, что Мишель кивает. Он ничего не говорит, и я тоже молчу. Просто сижу в роще под деревом и пытаюсь как-то справиться с горем, от которого убежала столько лет.

Не знаю, как долго мы так сидим, но нас находит Кайла и как-то слишком злобно сообщает, что Силен давно нас ищет. Странно, не думаю, что Силен стала бы посылать Кайлу, она бы просто пришла сама, ведь наверняка видела, куда меня повел Мишель. Я выпутываюсь из кольца рук Мишеля и говорю, что мне надо найти Джона. На этот раз он не возражает.

Уже стемнело, значит, мы пробыли в роще весь день. Джона я нахожу у одного из костров, он сидит рядом с Сэмом, и, едва заметив меня, подскакивает, начав быстро-быстро извиняться. Я пытаюсь убедить его, что он не виноват, ведь он и правда хотел, как лучше, но он меня не слушает. В итоге я предлагаю забыть и сделать вид, что ничего не было, и Джон как-то странно на меня смотрит, но соглашается. Я не просто не хочу объяснять ему, что на меня нашло на берегу, я и не могу объяснить, потому что сама этого не знаю. Казалось бы, надо радоваться встрече с родителями. Когда я уже просто не знаю, что сказать, подходит тот же мальчишка с пляжа, бросает на меня странный взгляд и предлагает что-то показать Джону. Я натянуто улыбаюсь брату, и он уходит.

Я тут же закрываю лицо руками и думаю, что сегодня можно и пропустить вечер у костра и сразу пойти спать, но слышу свое имя. Сэм. Надо с ним поговорить. Вроде бы даже хочется, но я не могу. Вот только все равно поворачиваюсь к нему лицом.

– Я только хотел спросить, ты в порядке? Только не ври мне, пожалуйста.

Я вздыхаю.

– Нет, Сэм, не в порядке. Я уже давно не в порядке, лет с девяти. – я сажусь рядом с ним на бревно. – Но, если судить по шкале Изабель, то да, в порядке. В том смысле, что, если потребуется, могу сломать кому-нибудь шею.

Сэм кивает. Он понял. Он, наверное, единственный, кто способен понять бред, который я временами несу.

– Мне жаль. У тебя было такое лицо, – он качает головой, словно желая отмахнуться от этих воспоминаний. – в любом случае, больше такого не повторится, я поговорил с Джоном.

– Спасибо. А он... он сильно испугался?

– Он ничего не видел. Ну, пока я не стал трясти его за плечи. Он был слишком сосредоточен на видении и нас не замечал. Сначала никто ничего не понял, но когда стали видны лица... Ты очень похожа на отца, Иззи. А потом ты закричала, и я чисто интуитивно понял, что это надо остановить. Боже, Из, я никогда тебя такой не видел.

– Это потому что ты не видел меня после... – я не могу закончить, но это и не нужно, Сэм все понял. Мне хочется его обнять, хочется снова считать его своим лучшим другом. Но я не могу. Лед, кажется, треснул, но я слишком эгоистична, чтобы простить его, поэтому я просто сижу и смотрю на костер. В голове пусто, но я этому рада. Мне надоело все время думать и решать какие-то проблемы.

Вскоре к нам подсаживается Силен, но она ничего не спрашивает. Может, Мишель ей рассказал, но мне почему-то кажется, что ей просто не нужны слова. Она и так знает, что я не в порядке. Сначала мне казалось сумасшествием, что я решила рискнуть жизнью из-за незнакомой девушки, но теперь это кажется естественным. Боже, что со мной происходит? Хотя, это уже не важно. На этом острове я нашла кое-что очень важное. Друзей. Не одного только Сэма, которого я видела редко, потому что он работал, а друзей, которые рядом и готовы поддержать. Говорят, что дружба проверяется годами, но я в это не верю. Дружба проверяется поступками и готовностью быть рядом.

Силен обнимает меня за талию, и я опускаю голову ей на плечо. Из-за разницы в росте это не должно быть удобно, но мне хорошо. Пусть Сэм меня предал, пусть он был неправ, но сейчас я нахожусь с людьми, которые мне дороги. Которые много для меня значат.

Глава 6

Уснуть мне ночью не удалось, да и не особо хотелось: я боялась новых кошмаров. Утром, сонная, я все равно увязываюсь за Силен на ее уроки. Через полчаса радость от того, что эта затея пришла в голову Силен, а не мне, становится даже слишком заметной. Я даже представить себе не могу, каким образом она хоть что-то запоминает. Как по мне, так эта панель – исчадь ада, серьезно. Меня жутко пугают все эти комбинации, которые просто невозможно запомнить, но Силен кивает головой и записывает их в небольшой блокнот, который принесла с собой.

Впрочем, судя по ее лицу, она думает о том же самом. Когда инструктор решает перейти к практике, она непрерывно ругается, путает знаки и символы, а под конец уже готова послать всех к черту. Ученица так себе, скажем прямо, но пилот, обучающий ее, кажется, не против. Наоборот, он делится с нами историей о том, как мучился сам, пока во всем не разобрался.

В итоге, Силен умудряется взлететь, и, хотя в ее варианте взмета мало приятного, инструктор более чем доволен ею. Правда, совсем скоро ему самому приходится выходить из какого-то сумасшедшего виража, который завернула Силен, и, когда мы уже на твердой земле, она говорит:

– Честное слово, если бы не Мишель и Итон, давно бы бросила. Но теперь мне надо им доказать, что я могу. Даже если я не могу.

Я не нахожусь, что ответить, поэтому просто смеюсь.

Джон проводит все больше времени с Картером (так зовут того четырнадцатилетнего парнишку с пляжа), Силен все осваивает хауберды, а чем занят Мишель, я не представляю, но все больше времени я оказываюсь предоставлена сама себе. Это отчасти помогает залечивать раны. Или мешает. Не знаю, я запуталась.

Я снова лежу на пляже, когда ко мне подбегает взбудораженная Силен и заявляет:

– Намечается приключение.

– И я должна этому радоваться? – скептически интересуюсь я.

– Ой, не будь занудой, будет весело. И, теоретически, даже не опасно.

– А практически?

– Из! – не отводя от меня негодующе пылающего взгляда, одергивает меня Силен.

– Ладно, ладно. – я поднимаю руки в знак того, что проиграла.

По дороге Силен посвящает меня в суть дела. Мы, блуждая по океану, случайно наткнулись на знакомую Мишеля, Джанет, которая живет в затопленном городе прямо под нами. Контролируя воду, она создает вокруг себя воздушную оболочку, а поскольку для нее там намного безопаснее, она переселилась туда.

Остров Джанет почувствовала, так как заранее ощущает угрозу через воду и при необходимости принимает меры, и, когда мы остановились, поднялась на поверхность. Тогда-то Мишель и уговорил ее сводить нас на экскурсию.

Когда мы, наконец, подходим к противоположному краю острова, я вижу со спины женщину среднего возраста и довольно крупного телосложения, а волосы доходят ей до поясницы, они абсолютно седые, что, впрочем, неудивительно. В воде наверняка еще сохранилось много токсинов. Но когда она оборачивается к нам, я поражена. Она не красива, нет. Вокруг ее глаз даже без улыбки залегли морщины, кожа когда-то была смуглой, но из-за долгой жизни под водой приобрела болезненно-желтый оттенок, а скулы слишком широкие для ее лица. Удивительными оказались ее глаза: они почти белые, с легким намеком на голубизну, а ресницы тоже поседели, и это создает странное впечатление на фоне ее темноватой кожи.

Все мое потрясение укладывается в секунду, и я вежливо улыбаюсь ей, потому что эта женщина запросто может меня утопить. Ну, и потому, что улыбка у нее очень добрая. Вдоба-

вок, в моем понимании, люди, дожившие лет до сорока, пользуются почетом. По крайней мере, в среде донариумов, впрочем, обычному человеку выжить тоже нелегко, а среди донариумов чаще всего это исключения вроде Элис и Джанет, которым удалось найти безопасное место.

Оглянувшись, чтобы посмотреть, кто собрался на экскурсию, я замечаю много знакомых лиц, но ни одного имени вспомнить не могу, пока не замечаю Джона.

– А ты что тут делаешь?

– Мишель сказал, что я тоже могу пойти. – радостно отзывается Джон.

– А с каких пор Мишель решает, что тебе можно, а что нет? – едко интересуюсь я у Джона, глядя на Мишеля.

– Я подумал, что ты не будешь против. – пожимает плечами Мишель.

– Так вот, я против.

– Иззи, ну пожалуйста... – начинает Джон, но я жестом заставляю его умолкнуть.

– Из, не кипятись. В этом нет ничего плохого, парню ведь тоже интересно. – пытается урезонить меня Мишель.

– Ты это несерьезно. – недоверчиво отзываюсь я. – Я только и делаю, что стараюсь его защитить и уж точно не собираюсь подвергать его жизнь опасности без всякой на то причины.

– Я же говорила, что это неопасно. – напоминает мне Силен, на что я, стрельнув в нее взглядом, добавляю:

– Теоретически.

– Ладно, брат твой, значит, и дело твое. Только разберитесь поскорее. – отвечает она.

Меня так и тянет огрызнуться, но вместо этого я подхожу к Джону и негромко говорю:

– Ты же понимаешь, что это ради твоей пользы.

– Да, именно этим и стоит оправдать твое желание не дать мне повеселиться. – отвечает он и ведет себя как самый настоящий подросток: разворачивается и уходит. Я смотрю ему вслед и не могу решить, правильно ли поступила.

Потом поворачиваюсь обратно и бросаю взгляд на Силен.

– Ну что со мной не так?

– У тебя мозги набекрень. – отвечает мне Мишель на полном серьезе. Может быть, он и прав.

Сразу после этого Джанет просит нас встать у берега ближе друг к другу. Вздыхнув, я подбираюсь к Силен, которая стоит у самого края острова, и невольно ахаю, когда Джанет спрыгивает вниз, но она тут же возникает перед нами и, махнув рукой, призывает нас следовать за ней. Подчиняясь ее воле, вода поднимается к самому краю, на уровень земли. Мы с Силен неуверенно переглядываемся, и я выдыхаю, а почувствовав, как быстро бьется сердце, ругаю себя. Нашла, чего бояться. Выбиралась из передряг и похуже.

Собравшись, наконец, с духом, делаю шаг вперед и встаю на волну, вода подо мной хоть и качается, но достаточно твердая и упругая. Не земля, конечно, но, наверное, так и ощущается корабельная качка, о которой я читала.

Силен шагнула вперед одновременно со мной, и остальные, увидев, что мы стоим, покачиваясь на волнах, тоже шагают на воду. Кайла весело щебечет Мишелю, а он с довольной улыбкой кивает Джанет, потом поворачивается к Кайле, делая вид, что слушает ее. Джанет поднимает руки, и вода, повинувшись ее движениям, накрывает нас с головой, образуя шар, и мы опускаемся под воду.

Когда мы опускаемся ниже острова, вокруг становится настолько темно, что рыжие волосы Кайлы кажутся черными. Она протягивает руку, но не решается коснуться ею окружающей нас воды. Несколько парней достают большие мощные фонари, и океан вокруг расцветает разными оттенками синего и зеленого. Даже не знала, что он настолько прекрасен.

Волны пузыряются вокруг, наталкиваясь на барьер Джанет, и тут кто-то опускает луч фонаря вниз и на глубине появляется неясное сооружение. Джанет опускается ниже и вниз

расстиляется город. Его мертвый вид шокирует, но в тоже время невозможно не поразиться его красоте, неудивительно, что Джанет выбрала его. Но чем ближе мы подплываем, тем сильнее меня обуревают горечь и печаль.

Этот город настолько прекрасен, что я могу себе представить, каким он был, когда здесь кипела жизнь, дети бегали по этим улицам, а люди спешили по своим делам, когда вокруг гудели машины, и человеческие голоса не замолкали не на секунду.

Вскоре мы оказываемся прямо напротив башни с часами, и она кажется мне знакомой. Я уверена, что где-то ее видела. Но где? Город ведь затонул задолго до моего рождения. Внезапно в памяти всплывает найденный Сэмом путеводитель, и я вздрагиваю, когда рядом со мной раздается голос Джанет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.